

Теологические дополнения¹ (De theologicis complementis)

I

Написав недавно «О математических дополнениях»² к нашему понтифику Николаю V, папе достойнейшему и учёнейшему, я счёл неприличным публиковать эту работу так, словно в моем положении и возрасте позволительно писать правителю Церкви о математике, не прибавив её трансцендентного использования³ в теологических фигурах. Посему в этой книжке постараюсь построить теологические (theologicales) фигуры, чтобы, насколько даст Бог, рассмотреть умным зрением, как в математическом зеркале⁴ та истина, которую ищут во всём, что можно знать, отражается не всего лишь отдалённым подобием, но в некоей ослепительной близости⁵. Однако того, что скажу, не понять, если не связать эту книжку с той, так как эти Дополнения выводятся из математических. Кроме того, желающий получить

Публиковавшийся уже в 2013 г. на интернет-портале Богослов.ru (www.bogoslov.ru) перевод заново отредактирован, а примечания дополнены.

Маргиналии НК к Альберту Великому приводятся в нумерации по изданию: Cusanus-Texte III/1 (Marginalien). Nicolaus Cusanus und Ps. Dionysius im Lichte der Zitate und Randbemerkungen des Cusanus von Ludwig Baur, - Heidelberg 1941.

¹ 14 сентября 1453 года из замка Бранцоль близ Сабियोны (где в тот же день он говорил проповедь – см. CXXXIII) НК в письме К. Айндорферу, аббату монастыря в Тегернзее, сообщает: «Написал на днях книжку о «Математических дополнениях» [...] Она очень необычна, ибо там прояснено всё, доселе неизвестное в математике. К этой книжке присоединил о «Теологических дополнениях», где перенёс математические фигуры в теологическую (theologicalem) бесконечность» (Acta Cusana 3625). Это сохранившееся собственноручное письмо (часть обширной переписки НК с монастырём) позволяет легко датировать оба Дополнения (математические, правда, были переработаны несколько месяцев спустя). Письмо известно своим пространством рассуждением о мистической теологии Ареопагита, которое создаёт важный контекст также и для понимания «Теологических дополнений». Русский перевод (в выдержках) А.Ф. Лосева с комментариями В.В. Библихина см.: «Символ», вып.33 (июль 1995) - Париж, 1995, сс.253-259.

² «Математические дополнения» («De mathematicis complementis») стоят в длинном ряду попыток НК решить квадратуру круга: «De arithmetis complementis» (1445); «De geometricis transmutationibus» (1445), «De circuli quadratura» (1450), «Quadratura circuli» (1450), «De mathematicis complementis» (1453), «Dialogus de circuli quadratura» (1457), «De caesarea circuli quadratura» (1457), «De perfectione mathematicae» (1458); «Aurea propositio» (1459), «Declaratio rectilineationis curvae», «De una recti curvique mensura» (последние два текста без ясной датировки).

³ ср. «Наука незнания» I, 12, 33.

⁴ «in speculo mathematico» – ср. 1 Кор 13, 12: «per speculum in aenigmate» (цсл «видим убо ныне якоже зеркалом в гадании»). см. также: «Наука незнания» I, 11, 30-32; «Апология науки незнания» 14-16; «О возм.-бытии» 43-44

⁵ «non modo remota similitudine, sed fulgida quadam propinquitate» - ср. «О мире веры» IV, 12

отсюда плод должен обращать внимание больше на смысл, чем на слова: оком ума⁶ эти теологемы (theologicalia) видны лучше, чем можно выразить словами⁷.

II

Всякий знает, что в математике истины достигают вернее, чем в других свободных искусствах, отчего видим, как вкусивший геометрической науки прилепляется к ней в достойной удивления любви, как если бы там в самом чистом и простом виде содержалась некая пища интеллектуальной жизни⁸.

В самом деле, геометр занят линиями и фигурами не медными, золотыми или деревянными, но такими, как они суть в себе, хотя без материи их и не найти. Чувственные фигуры он разглядывает чувственным оком для того, чтобы умным мог видеть умные, причём последние ум видит не менее истинно, чем глаз - чувственные, и даже тем более истинно, что он видит фигуры в себе свободными от материальной инаковости, а чувство вне инаковости никогда их не касается. Фигура ведь получает инаковость от соединения с материей, которой необходимо быть всегда разной, из-за чего треугольник на этом полу - один, а на стене - другой, и в одном фигура более истинна, чем в другом, и тем самым ни в какой материи не бывает настолько истинной и точной, чтобы не могла быть ещё истинней и точнее. Отвлечённый же от всякой изменчивой инаковости треугольник как он есть в уме быть истиннее не может. Поэтому ум, созерцающий фигуры в себе, усматривая их свободными от чувственной инаковости, и себя самого обнаруживает тоже от чувственной инаковости свободным. Таким образом, ум свободен от чувственной материи и относится к математическим фигурам как форма. А если назвать эти фигуры формами, то ум будет формой форм. Поэтому фигуры будут в уме как бы в своей форме и - оттого - без инаковости.

Итак, всё, что ум видит, он видит в себе⁹; причём то, что он видит, пребывает не в чувственной инаковости, но в нём самом. Но свободное от всякой инаковости является не иначе, как истиной, ведь истина - не что иное, как отсутствие инаковости. А ум наш, хоть и лишён всякой чувственной инаковости, но всё же не

⁶ «oculus mentis» - т.е., интеллект; ср. CCLXXV, 3: «oculus mentis, scilicet intellectus». «Интеллект» как видение (visio), способность к умному зрению простых начал, отличается как от веры-слышания (Рим. 10, 17), так и от дискурсивной деятельности рассудка (ratio); ср. марг. 604 к Альберту Великому («На Послания Ареопагита»): «cognitio refertur ad scientiam conclusionum, visio ad intellectum principiorum», «познание относится к науке [логических] заключений, видение - к пониманию начал». С другой стороны, стоит здесь вспомнить и расхожую формулу, восходящую к Платону («Государство» VII, 533d2; «Софист» 254a10): «mens est oculus animae», «ум есть око души» (марг. 601 к Альберту, «На Мистическую теологию»); Исидор Севильский, «Этимологии» XI, 12: «Mens autem vocata, quod emineat in anima [...] Quapropter non anima, sed quod excellit in anima mens vocatur, tamquam caput eius vel oculus».

⁷ ср. «Наука незнания» I, 2, 8; «Охота за мудростью» XXXIII, 97-100

⁸ «quasi quoddam rabulum» - из Цицерона: «рассмотрение и созерцание природы есть некая как бы естественная пища (quoddam quasi rabulum) душ и умов» («Acad.priora» II, 127).

⁹ «in se» - см. «О равенстве» 3; «О начале» 21

всей инаковости вообще. Таким образом, ум, не свободный от всякой инаковости, умственной, по крайней мере, видит фигуры, от всей инаковости отрешённые. Стало быть, он видит их в истине и не вне себя, ибо он их *vidit*, а это не может происходить вне его. Видит присущим уму способом (*mentaliter*) и не вне ума, как и чувство, постигая чувственным способом, постигает не вне чувства, а в нём. Но, видя в себе то, что не может быть иначе (*inalterabile*), ум, который сам может быть иным, в своей инаковости неинакового не видит («ибо гнев мешает душе различать истину»¹⁰), но видит в своей неинаковости. А невозможность быть иначе (*inalterabilitas*) есть истина¹¹. Следовательно, где ум видит, что бы он ни видел, там присутствует истина его и того, что он видит. Истина, в которой ум видит всё - это форма ума. Поэтому в уме есть свет истины, в силу которого ум существует и в котором он видит себя и все вещи, подобно тому как в зрении волка есть свет, благодаря которому существует зрение и в котором волк видит всё, что видит. И если глазам волка, чтоб он смог вести охоту ради сохранения своей жизни, Бог придал такой свет, без которого тому ночью не выследить добычи¹², то не может быть, чтобы интеллектуальную природу, кормящуюся охотой за истиной, Он обделил, не придав ей этот необходимый свет¹³.

Но саму истину, через которую ум видит себя и все вещи, он видит только, что она «есть» (*quia est*), но не «что» (*quid est*) есть она сама¹⁴, так же как зрение не видит яркости солнечного света, благодаря которому видит всё видимое, хотя из опыта

¹⁰ Из Двустий Катона (II, 4)

¹¹ «*veritas autem est inalterabilitas*» - см. также: «О видении Бога» XV, 65; XXIII, 101; «О равенстве» 23. «невозможно быть иначе» тому, что не может быть ни больше («минимум»), ни меньше («максимум»), и что тем самым есть исполнение всей возможности (*possest*) (и вместе с тем - «сама возможность» (*ipsum posse*)). Ср. Также ссылки на Аристотеля в СХСХ, 3. Ср. также «*inalterabile*» как имя Бога - «Охота за мудростью» VII, 17, где даны соотв. ссылки на Ареопагита («Об именах Божиих» IX, 4 в пер. Гроссетеста).

¹² пример в волком - из Плиния Старшего («Естественная история» XI, 37).

¹³ «не придав ей свет» (*lumen*) - ср.: CLXXIII, 7; CCX, 15 («Бог придал разумной душе «свет лица Своего»)

¹⁴ «*quia est - quid est*» - школьное различение, см. также прим. к «О равенстве» 13; также: Иоанн Дамаскин, «Точное изложение православной веры» 4; 9; Альберт Великий, «На Имена Божии» I, 3; VII, 27 (места, отмеченные маргиналиями НК). Кроме того, я предполагаю, здесь отсылку к Августину, «О Троице» VIII, 2 (3) (возможно, через Экхарта, см. ниже): «И вот увидь, если сможешь, о душа [...], что Бог есть истина (сказано ведь: «Бог есть свет»), но не так, как видят эти глаза, но как видит сердце, когда слышит: «есть истина». Не спрашивай, **что** есть истина; ибо мрак телесных образов и мгла воображения тотчас же преградят путь и смутят ту ясность, что вспыхнула тебе в первый миг, когда я сказал: «истина». И вот в этой первой вспышке, которая словно молния поражает тебя при слове «истина», ты и пребывай, если сможешь. Но ты не сможешь...» («*Ecce vide, si potes, o anima [...]: Deus veritas est. Hoc enim scriptum est: Quoniam Deus lux est; non quomodo isti oculi vident, sed quomodo videt cor, cum audit: Veritas est. Noli quaerere quid sit veritas; statim enim se opponent caligines imaginum corporalium et nubila phantasmatum, et perturbabunt serenitatem, quae primo ictu diluxit tibi, cum dicerem: Veritas. Ecce in ipso primo ictu quo velut coruscatione perstringeris, cum dicitur: Veritas, mane si potes; sed non potes...»»). Экхарт, ссылаясь на это место Августина, «На Евангелие от Иоанна» 688: «*cum audis, veritas est, noli quaerere, quid sit veritas*». «когда слышишь: истина есть, - не спрашивай, что есть истина». Примечательно, что «первая вспышка», по Августину и Экхарту, возникает от слышания слов «есть истина», поэтому ниже у НК она названа «верой», которая «от слышания».*

знает, что без него видеть не сможет, тем самым соприкасаясь с (attingit) «есть», но никак не со «что», причём и о силе этого света знает лишь, что она такова, что превышает его способность. Так же и с умом.

Поэтому истина в уме есть как бы невидимое зеркало¹⁵, в котором и через которое ум созерцает всё видимое, хотя само зеркало просто настолько, что превосходит силу и остроту ума. И чем больше сила ума растёт и обостряется, тем чётче и яснее видит он всё в зеркале истины, причём от созерцания эта сила возрастает, словно искра, которая от горения разгорается всё больше¹⁶. И приращение она получает по мере того, как этот самый свет истины всё полнее и полнее выводит её из потенции в акт. Отсюда следует, что сила эта никогда не исчерпает себя, ибо никогда не дойдёт до такой ступени, чтобы свет истины не смог её увлечь ещё выше. Таким образом, созерцание для ума – неистощимый источник сладчайшей пищи¹⁷, от которой он не перестает снова и снова и всё полнее входит в собственную жизнь, радостнее которой нет ничего.

Ещё созерцание (speculatio) есть движение ума от «есть» по направлению к «что». Но так как «что» отстоит от «есть» бесконечно¹⁸, то тогда и движение это не прекратится никогда¹⁹, и нет его сладостнее, ибо устремлено оно к жизни ума, в самом себе обладая поэтому покоем. [Такое] движение ничуть не утомляет ум, но напротив, разжигает всё сильнее, и чем быстрее он мчится, тем сладостнее *свет жизни*²⁰ затягивает его в его же собственную жизнь²¹.

Совершается же это движение ума как бы по линии, равно прямой и округлой. В самом деле, начинаясь от «есть», или веры²², оно направлено к видению, или «что»²³. И хотя расстояние между ними подобно бесконечной линии, движение это всё же ищет исполниться²⁴ и найти цель в начале - т.е. [найти] «что» там, где «есть»

¹⁵ «невидимое зеркало» - см. прим. к «О равенстве» 9

¹⁶ сравнение с искрой – ср. «Конъектуры» II 16, 160; «Об искании Бога» 43; 46; «Игра в шар» II, 90; также: Платон, Письмо VII 341d; Дионисий Ареопагит, «О церковной иерархии» VII, 11.

¹⁷ ср. Платон, «Федр» 246d8-e2 (место, отмеченное маргиналиями НК); у НК: «Простец о мудрости» I, 16.

¹⁸ «quid distat a quia per infinitum» - ср. Альберт Великий, «На Имена Божии» I, 52: «deus infinite distat a mente...» (место отмечено маргиналиями НК)

¹⁹ ср. Фома Аквинский, «Сумма против язычников» III, 50, 3

²⁰ «lumen vitae» - см. Ин. 8, 12; также у НК: «О Богосыновстве» I, 52

²¹ ср. «Auctoritates Aristotelis» XII (209): «speculation ipsius veritatis est ipsa felicitas»; Аристотель, «Никомахова этика» X, 7 1177b19-24

²² ср. Евр. 11, 6: «credere enim oportet accedentem ad Deum quia est»; «надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть» (синод.)

²³ «видение» (visio) – то же, что и умозрение, работа интеллекта (ср. «Компендий» 1, 2). Тем самым здесь красиво развёртывается старая формула «fides quaerens intellectum». Об отношении веры и интеллекта см. также: «Наука незнания» III, 11, 244; CCLXVIII, 19

²⁴ «quaerit compleri» - ищет исполниться или завершиться; здесь намёк на название трактата («complementum»). Интересна параллель с письмом К. Айндорферу от 14.09.1453: «...это созерцание (speculatio), относящееся к восхождению нашего разумного духа даже до единения с Богом и до того видения, что без завесы, не завершится (non complebitur) до тех пор, пока то, о чём решают, что это

и вера. Выходит, оно ищет того совпадения, где совпадают начало и цель движения, а это и есть круговое движение²⁵.

Итак, созерцательный ум наипрямым движением устремлён к совпадению максимально далёких вещей, и стало быть, мера движения созерцательного и богообразного²⁶ ума соответствует линии, в которой прямизна совпадает с окружностью. Тем самым требуется, чтобы была одна простая мера для прямой и окружности. И вот книжка «О математических дополнениях» [как раз и] доказывает, что совпадение прямой и окружности в единстве простой меры возможно и [вдобавок демонстрирует], как именно [оно возможно] не только в теологии, но и в математике, тем самым удостоверяя нас, что в теологии вне всякого сомнения следует теологически утверждать то же самое, что в математике – математически.

III

В книжке «О математических дополнениях» сообщается искусство отыскания окружности, которая содержала бы меру прямой линии. Мы приходим к этому через совпадение трёх кругов.

А именно: Для равностороннего многоугольника есть круг вписанный и круг описанный, причём периметры обоих кругов и многоугольника различны, тогда как круг [если взять его как многоугольник с бесконечным числом углов] не отличается ни от вписанного в него круга, ни от описанного, поэтому [в этом случае] три эти круга - вписанный, описанный и равный периметром многоугольнику - совпадают окружностью, величиной и всеми другими присущими кругу свойствами. И они три круга так, что на самом деле суть один [круг], и этот [один] круг - триединый. Но явным это может стать, только если иметь в виду многоугольник. Ведь два круга - вписанный и описанный - очевидно отличны друг от друга, а периметр многоугольника больше окружности вписанного и меньше - описанного. Так три разных периметра ведут нас к познанию триединого круга. И эта тройца различных периметров, имеющаяся во всех многоугольниках, в круге присутствует без всякого различия величины; один круг во всём равен другому и вне другого не существует.

Если так обстоит дело в математике, то ещё более истинно - в теологии²⁷. Не может отрицать совпадения прямой и окружности тот, кто видит, что истина - это

Бог, остаётся мыслимым (*intellegitur*). [...] Если же ум более не мыслит, то он водворяется во тьме незнания, и когда ощущает мрак - это знак, что там есть (*quia ibi est*) Бог, Которого ищет (*quaerit*)» («*quia ibi est*» - так по старому изданию: E.Vansteenberghe, «*Autour de la docte ignorance - une controverse sur la théologie mystique au XVe siècle*» – Münster, 1915, p. 114; новейшее издание «*Acta Cusana*» (Band II/2, 2016, n.3625) даёт «*quod ibi est*» без разночтений).

²⁵ о различных траекториях движения ума - см. CCXLIII, 10-12

²⁶ «*mens deiformis*» - ср. Платон, «Федон» 95c5

²⁷ ср. марг. НК к Аристотелю («*Метафизика*» II, 3 995a15, где говорится о том, что математическая точность не универсальна): «видно, что в теологии должно быть больше достоверности, чем в математике, и неправда, что первая достоверность - в математике, разве что добавим: «доступная

невозможность быть иначе. Ведь если истина - невозможность быть иначе, то она не допускает ни «больше», ни «меньше»: если истина, что высота этого дерева - два фута, то оно не больше и не меньше. Следовательно, истина - бесконечность, ибо только бесконечность не может быть ни больше, ни меньше. Далее, если взять окружность такую, что не может быть больше, так как *величине её нет конца*²⁸, то она бесконечна. И круг, чья окружность бесконечна, также бесконечен. Он не может быть меньше, так как не имеет частей, и поскольку чем больше круг, тем прямее окружность, бесконечная окружность прямолинейна. Окружность и прямая совпадают, таким образом, в бесконечности. Бесконечность же - это абсолютная прямизна, или справедливость²⁹.

Далее, если посмотрим, как построить круг при черчении, то найдём сначала точку, затем из точки разворачивается линия, а из точки и линии - круг. Так во всяком круге найдём центр, радиус и окружность, без одновременного наличия которых не определить, что фигура - скорее круг, чем не-круг. А если взять круг бесконечный, то центр, радиус и окружность будут с необходимостью обладать полным равенством. В самом деле, центр бесконечного круга бесконечен. Ведь нельзя сказать, чтоб бесконечное было больше центра: о том, что не может быть меньше, как бесконечное и беспредельное, нельзя сказать, что оно больше центра. Центр есть предел радиальной линии; предел бесконечного бесконечен; следовательно центр бесконечного круга бесконечен так же, как бесконечен и его радиус, и окружность³⁰. Таким образом, имеется полное равенство центра, радиуса и окружности бесконечного круга. А поскольку не может быть много бесконечностей (ибо тогда ни одна не была бы бесконечностью, так что множество бесконечностей ведёт к противоречию), то центр, радиус и окружность будут одной бесконечностью. С другой стороны, видим, что многоугольник образован прямыми линиями. Тогда наш бесконечный круг будет тот, с которым совпадает всякий многоугольник, обладающий бесконечным числом сторон.

Ещё, видя, что вписанная и описанная окружности всякого многоугольника отличны от его периметра, тогда как в изопериметрическом круге три эти периметра совпадают, мы усматриваем круг триединым. Подобным образом и в теологии находим бесконечный круг триединым при условии, что имеем в виду многоугольники, или определённые творения. В самом деле, триединый круг - тот, в котором центр является и кругом, и радиусом круга, и его окружностью; в нём один и тот же круг и вписан, и написан, и описан. Рассматривая только его бесконечность,

рассудку». Теологическое же созерцание более достоверно, будучи интеллектуальным видением. Оно ничего не предполагает (*praesupponit*), не спорит, не ищет, но есть простая интуиция».

²⁸ ср. Пс. 144, 3: «*magnitudinis ejus non est finis*» (цсл «величию его нѣсть концá»).

²⁹ «*justitia*» как «*rectitudo*» – см. прим. к CCLXVIII, 6

³⁰ о том что часть бесконечного бесконечна см. у Аристотеля: «*Метафизика*» XI, 10 1066 b12-17 (маргиналии НК к этому месту: «быть бесконечным и бесконечное – одно и то же», «если бесконечное субстанция и начало, то оно нерасчленимо и неделимо... следует равенство противоречивого»); «*Физика*» III, 5 204a22-28; «*О небе*» I, 5 271b28-32 (части бесконечного круга бесконечны).

нам троичности бесконечного круга, таким образом, не уловить. А вот обращаясь к определённым фигурам, или формам, имеющим стороны и углы, замечаем, что бесконечный круг триедин, и полное равенство делает так, что один пребывает в другом и у всех одна бесконечная окружность. Следует внимательно продумать, что к истине равенства меры окружности и прямой мы приходим только, имея в виду, что изопериметрический круг становится триединым через совпадение [кругов,] различающихся в многоугольниках.

Без триединой бесконечности невозможно постичь истину какой бы то ни было вещи. В самом деле, круг измеряет всякий многоугольник, не будучи ни больше, ни меньше, так как он есть триединый круг, в котором совпадают все различия многоугольников, что доказывается математически. Подобно тому и триединая бесконечность - форма, истина и мера всего, что не есть она сама, она - само равенство, которое и есть истина всех вещей. Она не больше и не меньше любой вещи, что может быть дана либо оформлена, но есть предельно равная форма всякой возможной формы и действительность любой возможности. Кто вглядывается в самую триединую бесконечность, восходя от математических фигур к теологическим через прибавление к математическим бесконечности и отрешаясь [затем] от теологических фигур, чтобы созерцать умом только триединую бесконечность, тот, насколько ему отпущено, видит, что всё - одно свёрнутым образом, а одно - всё развёрнутым. А если смотрит на самую бесконечность без оглядки на конечные вещи³¹, то не замечает ни их существования, ни истины, ни меры. Таким образом, невозможно видеть одновременно и творение, и Творца, не утверждая триединства бесконечности.

IV

Древние искали искусство уравнивания круга с квадратом. Они предполагали³² это возможным³³. Равенство, по общему мнению, свёртывает в себе как круг, так и квадрат. Прибавим к равенству бесконечность - и нам станет очевидным, что бесконечное равенство ничему не может быть неравным. Ибо ничто из всего, что может быть дано, не способно превзойти бесконечное равенство, которое не может быть менее равно, а стало быть не будет более равно одному и менее равно другому, но с необходимостью есть сама идея, истина, пробраз и мера всего. А всё, что не есть бесконечное равенство, через которое только всё равное является таковым, то более равно одному, чем другому; и для любого данного равенства между различными вещами всегда может быть дано большее; и невозможно знать, что две какие-либо вещи более равны, чем другие две, кроме как через меру

³¹ «sine respectu finitorum» - ср. Альберт Великий, «На Имена Божии» I, 7: «божественную сущность можно рассматривать трояко: или в себе, или в отношении Лиц, или с оглядкой на обусловленное ею как причиной»; Фома Аквинский, «О возможности» 7.7.: «Всё, что говорится о Боге и творениях, говорится о Боге с некоторой оглядкой на творения или наоборот».

³² «praesupposuerunt» - о «praesuppositio» см. прим. к «О равенстве» 7; также «Наука незнания» III, 11, 244, где «пресуппозиция» практически отождествляется с верой (ср. выше о вере в гл. II).

³³ в отличие от отрицавшего квадратуру круга Аристотеля - см. «Берилл» XXVIII, 45

абсолютного и бесконечного равенства. Так что абсолютное равенство измеряет всё, как прямое, так и круглое, которые с необходимостью совпадают в его свёрнутости.

Если взглядеться пристально, то, что предполагается во всяком разыскании, есть сам свет, который и ведёт к искомому³⁴. В самом деле, искавшие квадратуру круга предполагали совпадение круга и квадрата в равенстве, которое определёнno невозможно в чувственных вещах. Ведь не может быть дан материальный квадрат, который не был бы неравен любому возможному материальному кругу. Стало быть, это предполагаемое равенство они видели глазами не плотскими, а умными, пытаясь доказать его рационально. Но поскольку рассудок не допускает совпадения противоположностей, потерпели неудачу. Искать же надо было интеллектуально, [т.е. искать] совпадения в круге того, что во всяком многоугольнике, даже равном периметром другому, остаётся различным - и тогда пришли бы к искомому³⁵. Отсюда выводится, что ничто не доступно познанию тем способом, каким его можно знать, кроме как посредством бесконечного интеллекта³⁶, который есть бесконечное равенство, предшествующее всему различному, разному, иному, неравному, противоположному - чему бы то ни было, означаемому неравенство. Только в этом и через этот бесконечный интеллект измеряется всё умопостигаемое.

И здесь раскрывается секрет³⁷, каким образом всякий ищущий предполагает то, что ищет, и не предполагает, потому что *ищет*. Ведь всякий ищущий знания предполагает, что есть знание, через которое всякий знающий является таковым, и что нельзя знать ничего, что на деле уже не было бы познанным бесконечным знанием, и что бесконечное знание есть истина, равенство и мера всякого знания, и

³⁴ ср. «Конъектуры» I, 5 19; «Простец о мудрости» II, 31

³⁵ О невозможности рассудочного решения квадратуры круга см. «Конъектуры» II, 2 81-82. «Рациональному» методу древних НК противопоставляет свой «интеллектуальный» метод «совпадений», предлагая применять его для решения собственно математических задач. Ср. в более позднем трактате «Усовершенствование математики»: «Замысел - в том, чтобы вести охоту (venari) за совершенством математики в совпадении противоположностей. Поскольку это совершенство главным образом состоит в количественном уравнении прямой и кривой линий, я предлагаю исследовать соотношение двух линий, относящихся друг к другу как хорда к своей дуге. (...) Но каким образом можно узнать отношение какой-либо данной хорды к дуге? Ведь между их настолько противоположными количествами, похоже, нет исчислимого соотношения. Необходимо, следовательно, прибегнуть к интеллектуальному зрению (ad intellectualem visum), которым видно, что минимальная, но неизобразимая хорда совпадает с минимальной дугой. (...) Таким образом, хорда и дуга совпадут, когда в каждой дойдём до её минимального количества. Интеллект видит это необходимым, хотя и знает, что ни дуга, ни хорда, поскольку они количественны, актуально не могут быть просто минимальными: непрерывное всегда делимо. Но чтобы исчерпать знание соотношения [хорды и дуги] возвращаюсь к интеллектуальному видению и утверждаю, что вижу их равенство там, т.е. в простом минимуме того и другого». См. также ниже, гл. XI.

³⁶ «nisi medio intellectus infiniti» - т.е. посредством божественного Логоса; ср. 1 Тим. 2, 5: «един и посредник (mediator) между Богом и человеками»; Исидор Севильский, «Этимологии» VII, 2/29 (о Христе): «Mediator, quia inter Deum et hominem medius constitutus est, ut hominem ad Deum perduceret; unde et illum Graeci μεσίτην vocant»

³⁷ «et in hoc panditur secretum» - о запятанном в устройстве человеческого ума «секрете» см. также: «Неинное» 85-86; 115; «Вершина созерцания» 14; 16.

что только через него знают всё, что знают. Поэтому всякого, кто ищет знания, заставляет [искать именно] это бесконечное искусство, или знание³⁸, и только, *ступая в свете* этого искусства³⁹ (свете, отпущенном ему в пред-положении), он окажется приведён к искомому.

Теперь рассмотрим ещё пристальней: когда бесконечность прибавляется к определению [или термину], например, когда говорят: «бесконечное знание», то это прибавление к определению приводит не к иному чему, как к устранению определения, так что обозначаемое определённым через название, или определение, умом усматривается бесконечным, или неопределённым. И, усматривая так определённое неопределённо и конечное бесконечно, ум видит его над всякой противоположностью и инаковостью, которые находятся только в определённых вещах. Определённость невозможна без различия, тем самым в ней обнаруживается многообразие, которое, ввиду того, что бывает большим и малым, обретает имена. А если устранить определённую, разница перейдёт в согласие, неравенство - в равенство, кривизна - в прямизну, незнание - в знание, тьма - в свет, и тогда станет видно, как со снятием определений⁴⁰ множество определённых вещей мы находим немножественно в одном неопределённом и невыразимом начале.

V

Заметь ещё, что всякий многоугольник определяется известным числом углов, равно отстоящих от центра, и получает имя, или определение [или термин], в соответствии с числом углов, из-за которого и называется «многоугольником». Так определением «треугольник» именуется фигура многоугольника с тремя углами,

³⁸ Божественный Логос как «искусство (ars) – см. прим. к ССХХVI, 9; о «бесконечном искусстве или знании» см. также: «Простец об уме» 59-61.

³⁹ «si in lumine illius artis... ambulaverit»- аллюзия на Ин. 11, 9-10 («Si quis ambulaverit in die...»);Еф. 5, 8 («ut filii lucis ambulate»); Гал. 5,16 («spiritu ambulate»).

⁴⁰ «sublatis terminis» - об «устранении терминов» как апофатическом методе см. письмо К. Айндорферу от 14.09.1453; «Об искании Бога» V, 49. См.также XLVIII, 21-22, где апофатическая теология сравнивается с работой ложечника или скульптора, устраняющего термины-границы материала, чтобы выявить видную только уму форму произведения: «Так делает ищущий ложку в куске дерева: снимает границы, которыми ограничена материя дерева, пока не дойдёт до искомой формы. И тогда то, что интеллект через веру видел в дереве раньше появления в чувстве, предстанет чувству. Так и мы, ищущие Бога в этом мире через рассудок, снимаем всё, чтобы Бог, предстоящий нам через веру раньше рассудочного поиска, предстал также и оку интеллекта. Но до чистого беспримесного света мы через какое бы то ни было восхождение и абстракцию дойти не можем, как не может скульптор до формы (которую прежде мысленно видел в интеллекте) добраться в куске дерева через какое угодно снятие так, чтобы не оставалось всегда ещё чего-то, что нужно оттуда убрать, но пока не убрано – для обнаружения чистого замысла как есть».

«четырёхугольником» - с четырьмя углами, и т.д. Но чем больше становится углов у равностороннего многоугольника, тем он подобнее кругу, у круга ведь, с точки зрения многоугольников, бесконечное число углов. А если смотреть только на сам круг, в нём не найти ни одного угла, он неопределённый и безугольный. Безугольный и неопределённый круг свёртывает в себе все угольные определения, многоугольники данные и те, что могут быть даны. Ведь если треугольник заключён в четырёхугольнике, четырёхугольник - в пятиугольнике, и т.д., то все многоугольники, и имеющиеся, и всегда возможные, видишь заключёнными в круге.

Далее внимательно рассмотри, каким образом свёртывает в себе определённые фигуры или формы бесконечный круг - не так, как круг конечный. Ибо последний обладает максимальной вместимостью и содержит в себе менее вместительные фигуры как целое части, бесконечный же свёртывает не так, а наподобие истины или равенства. Ни в одном творении не содержится ничего от всемогущества таким же образом, как в многоугольнике [содержится часть] от конечного круга, поскольку всемогущество, не допуская «больше» и «меньше», не делимо на части. В свою очередь, конечный круг, который «больше» и «меньше» допускает, не способен свёртывать многоугольники тем способом, каким всемогущество [свёртывает] всё определяемое.

Вот так от многоугольных фигур и круга, свёртывающего все возможные многоугольники, ум восходит к фигурам теологическим и, оставив фигуры, видит бесконечную силу первоначала, свёрнутость сотворённых вещей, их разность и степень подобия с самим простым. И [ещё видит] что, поскольку бесконечный треугольник есть бесконечный круг, и бесконечный четырёхугольник есть бесконечный круг, и т.д., последний поэтому является формой форм, или фигурой фигур, идеей треугольника, четырёхугольника, пятиугольника и равенством бытия треугольника, четырёхугольника и т.д. И что, если дан бесконечный круг, то все фигуры как следствие суть то, что они суть.

Взгляни, как удивительно: математик, строя многоугольник, имеет в виду бесконечный праобраз. Ведь, изображая количественный треугольник, имеет он в виду треугольник не количественный, а просто треугольник, отрешённый от всякого количества и качества, величины и множества. А что изображает его [всё же] количественным – то это не от праобраза и не от намерения сделать его таким, но от неспособности изобразить его так, чтоб тот треугольник, что схвачен умом, стал доступен ощущению. Поэтому ему привходит количество, без которого он не может стать ощущаем. Итак, треугольник, который имеет в виду геометр, не велик, не мал и не определён величиной или множеством, а следовательно бесконечен. По этой самой причине бесконечный треугольник, т.е. праобраз, на который смотрит ум того, кто строит треугольник, не иной тому праобразу, на который ум взирает, строя четырёхугольник, пятиугольник или круг. Ведь тот круг, к которому обращается ум, строя круг, будучи неколичественным, не больше и не меньше неколичественного

треугольника, но есть само равенство бытия. Следовательно есть одно бесконечное равенство бытия, которое я имею в виду, изображая различные фигуры. И Творец, творя все вещи, творит всё, обратившись к Себе, будучи Сам той бесконечностью, которая есть равенство бытия.

VI

Теперь смотри дальше, каким путём строишь круг: сперва полагаешь точечный центр, затем растягиваешь эту точку в линию, затем обводишь линию вокруг точки - и вот из точки и прямой линии возникает линия окружности. Но так как, делая всё это, ты [на самом деле] имеешь в виду абсолютное равенство бытия, то тогда и в нём тоже видишь что-то подобное. Ибо тот круг, что имеешь в виду, невыразимый или именуемый именами всех фигур, таков, что у него есть центр, из которого - линия, а из них - окружность. Но так как он бесконечен, центр, линия и окружность суть само равенство (о чём мы сказали выше). Поэтому центр был не прежде линии, а линия с центром - не прежде окружности: в противном случае не было бы ни полного равенства центра, линии и окружности, ни единой бесконечности. Это равенство в бесконечности есть не что иное, как вечность; стало быть, центр, линия и окружность извечны. Но линия есть развёртывание точки, а окружность - точки с линией. Следовательно, центр в вечности вечно рождает, или разворачивает из своей свёртывающей силы, единосущное рождённое - линию, а центр с линией вечно разворачивают связь, или окружность. Такой являет себя бесконечная плодородность⁴¹, которую имеет в виду ум, изображая круг, и которую изобразить вне времени и количества неспособен. Подобным образом и когда, замыслив изобразить равносторонний треугольник, ум следит за тем, чтоб углы равно отстояли от центра, дабы так из центра, линии, равной расстоянию между центром и углами, и окружности, или периметра, построить многоугольник, он, чтобы изобразить задуманное совершенным, прекрасным, изящным и приятным, тоже взирает на бесконечную плодородность. Так и Творец, взирая на Самого Себя, бесконечную плодородность, творит плодородную сущность (essentiam) творения, в которой начало свёртывающей силы, т.е. центр, или бытийность (entitas) творения, свёртывающий в себе свою силу, чтобы сила сущего, свёрнутая в центре, развернулась как бы в проведённую линию, т.е. в силу сущего, от сущего рождённую или развёрнутую, а из центра и линии сразу же исходит окружность, или действие. Заметь, что центр - начало отцовское, которое с точки зрения творений можно назвать бытийностью; что линия - это как бы начало от начала⁴², т.е. равенство (ибо начало от начала *держит высшую степень равенства*⁴³ тому началу, от которого оно), а окружность - как бы единение или связь, ибо от бесконечной бытийности и её равенства исходит связь, связывающая равенство с единством. Итак, взирая на

⁴¹ «fecunditas» – см. прим.к ССXLIV, 9

⁴² «principium de principio» - см. прим. к «О начале» 10

⁴³ «principium... summam tenet ... aequalitatem» - ср. Кол. 1, 18: «qui est principium... in omnibus ipse primatum tenens» (синод. «начаток..., дабы иметь Ему во всём первенство»), см. прим. к «О начале»

Самого Себя, Творец творит [во-первых] единство, или бытийность⁴⁴, или центр, [во-вторых] форму, или равенство бытия, и [в-третьих] связь того и другого. Творение же истекает от Творца наилучшим способом, каким позволяет устройство природы - в уподоблении Творцу (о чём некоторые свои мысли я изложил более пространно в другом месте⁴⁵).

VII

Из математики известно, что о прямом говорят только в одном смысле. Одна прямая линия, большая или малая, не более и не менее пряма, чем другая. Стало быть, прямизна мыслится бесконечной, поскольку не ограничена количеством и не допускает «больше» и «меньше». Абсолютная прямизна бесконечна. Кривизна же бесконечной быть не может. Поэтому-то линия окружности бесконечного круга, поскольку и сама она бесконечна, не может быть кривой. Тем самым всякая кривизна ограничена пределами своей величины. И прораба для кривизны нет никакого другого, кроме прямизны, ведь желающий изобразить кривую линию смотрит в уме на прямую, делая первую изогнуто отпадающей от последней.

Но для той кривизны, что обладает бесконечной прямизной, ближайшее подобие - кривизна окружности. Ведь бесконечная прямизна - это сама вечность, не имеющая ни начала, ни середины, ни конца, ни количества, ни качества, а в кривизне окружности, по необходимости количественной и составной, имеет место совпадение начала и конца, и существует она по необходимости от бесконечной прямизны как от своего начала и своей истины. Кривизна ведь существует не от себя, но от той прямизны, которая её мера, ибо прямое измеряет кривое⁴⁶. И отпадает от бесконечной прямизны кривизна окружности способом более совершенным, чем кривизна некруглая, ибо как прямизна лишена начала, середины и конца, так и в кривизне окружности они совпадают и минимально отстоят, или отличаются, друг от друга⁴⁷. Поэтому кривизна окружности более подобна бесконечному, чем конечная прямизна, где начало, середина и конец друг от друга отстоят. Бесконечная прямизна в силу своей бесконечности есть всемогущая сотворительница⁴⁸, поэтому ей более подобна кривизна окружности, так как она более подобна бесконечности, чем конечная прямизна.

Итак, все мы, имеющие ум, захвачены (*afficimur*) фигурой круга, которая в силу своего единообразия, равенства и простоты предстаёт нам законченной и прекрасной. И это так не от чего иного, как оттого, что в ней ближе, чем в любой

⁴⁴ «unitatem seu entitatem» - «unitas» и «entitas» здесь, как и во многих других местах у НК, практически синонимы, см. предыдущую фразу; см. также XXII, 11 и прим.

⁴⁵ см. «Наука незнания» II, 1, 97; 2, 104; 10, 154; «О даре Отца светов» 93; 99

⁴⁶ см. у Альберта Великого: «На Имена Божии» II, 48 и IV, 96; а также маргиналии НК: «прямая линия – первая и простая, не окружность» (231); «заметь, что прямое – просто, круглое - сложно, так прямое раньше круглого. Но круговое движение прежде, потому что причина прямого» (454).

⁴⁷ ср. Аристотель, «О небе» II, 6 288a22-26

⁴⁸ «creatrix» - ср. CCLXVIII, 6

другой фигуре, просвечивает форма форм. Вглядись, насколько увлечён наш ум праобразом круга, бесконечной формой и красотой, которую только и имеет в виду. Когда, будучи увлечён каким-нибудь творением, не повернут он так к усмотрению Творца, своей любви и радости⁴⁹? Вот в чём, следовательно, должна быть забота того, кто ищет Бога: смотреть, **что** [на самом деле] имеет в виду ум, когда [бывает] озабочен и захвачен, [то есть] оборачиваться к пред-положенному (praesuppositum)⁵⁰. Там найдёт он сладость любви невыразимую, ведь всё [так или иначе] любимое способность быть таким имеет от [самой] любви, и следовательно, *вкусив абсолютной любви, оставить её уже невозможно*⁵¹.

VIII

Нельзя упустить и того, что, вращаясь над прямой линией, круг касается её только в точке: окружность ведь равноудалена от центра и касательная прямая касается её только в точке. Отсюда рассмотри: время, которое вращается как бы кругообразно, фигуру тоже имеет близкую кругу, ибо образовано как бы круговым движением неба. Время ведь - мера движения⁵². Следовательно, когда время, несущее подобие вечности⁵³, вращается, оно вращается тем же образом, что и круг над бесконечной прямой. Ведь ипостасное бытие время имеет (subsistit)⁵⁴ не в себе самом, но во вращении над бесконечной линией, или вечностью, так что даже и всё время целиком само себе ипостасного бытия не даёт, и получить его ему не в чем, кроме и в той мере, как оно вращается в точке вечности.

И так как это истинно о всяком круге, большом или малом (а именно - что он не имеет другой ипостасной опоры, кроме точечного касания прямой и бесконечной линии), то и всякое творение, рассматриваемое во времени, можно уподобить в его длительности большому или малому вращающемуся кругу. И любая длительность, долгая или краткая, не будет иметь от вечности больше, чем другая; в одном

⁴⁹ «amor et delectatio» – устойчивое у НК выражение из Ареопагита, «Об именах Божиих» IV, 14, где Иоанн Сарацин так переводит «ἔρως καὶ ἀγάπη» (иногда также у НК «amor et dilectio») – ср. например: ССХLI, 6; ССLXXIX, 6; «О равенстве» 28. Важно заметить, что во всём рассуждении у НК здесь «любовь» (amor), «захваченность» (affectus), «забота» (diligentia), как и «наслаждение, радость» (delectatio) суть одно и то же. О божественной любви (amor) как «некоем вечном круге» («sicut quidem aeternus circulus») см. в том же месте у Ареопагита и комментарии Альберта Великого («На Имена Божии» IV, 136-145).

⁵⁰ Таким образом, ум захвачен фигурой круга в двух смыслах: во-первых, как предметом созерцания, во-вторых, потому, что само движение ума, состоящее в возврате к невидимой «пресуппозиции», есть круг. Первое есть иллюстрация второго: геометрическая фигура завораживает не по своей чувственной данности, а как явление уже заранее заданного в уме невидимого «бесконечного» праобраза.

⁵¹ «si degustabitur non derelinquetur» - ср. Пс. 33, 9; 1 Пет. 2, 3; Дн. 14, 38; Пс. 9, 11

⁵² см. Аристотель, «Физика» IV, 12 220b32-221a1; «Auctoritates Aristotelis» II, 139

⁵³ см. Платон, «Тимей» 37d5-e2

⁵⁴ «subsistentia» как «ипостась» - см. прим. к «О начале» 3

«теперь» вечности имеют опору своему ипостасному бытию и возвращаются все круги⁵⁵.

Тем самым видишь, что вечность есть собственное ипостасное бытие времени⁵⁶, мерило и мера всякой длительности⁵⁷, при том что сама остаётся простейшей, неделимой на части и времени неприобщимой.

Видишь также, что невозможно времени быть вечным, хотя его как бы круговые обращения из-за совпадения начала с концом и кажутся не имевшими начала⁵⁸. Круговому движению невозможно, поскольку оно криво и изогнуто, быть от себя, стало быть, оно - от Творца, т.е. той самой бесконечной прямизны и вечности. Кривизна предполагает своего Творца, отпадая от Которого, оно и называется «кривизной».

Далее. Неверно, что есть точное круговое обращение (чего я коснулся в «Науке незнания»⁵⁹) или что круговое обращение движения солнца происходило прежде бесконечное число раз. В самом деле, бесконечность несовместима с числом круговых обращений: мы ведь можем сосчитать десять прошлых обращений, и сотню, и тысячу, и все. А если кто скажет, что всё сосчитать нельзя, но протекла бесконечность, и прибавит, что [ещё] одно обращение будет в будущем году, то получится бесконечность и вдобавок одно, что невозможно. И если истинно, что конец солнечных обращений придёт на 11 марта⁶⁰, то истинно и то, что солнечные обращения имели начало, не существовали вечно и не составляют бесконечности⁶¹.

Бесконечность и вечность нельзя прилагать к движению, мера которого - время, но только к тому движению, мера которого – вечность. Например, если бы мы назвали божественное рождение и исхождение (о которых выше⁶²) движением бесконечной плодородности, мера которого – вечность.

IX

⁵⁵ о неделимом «теперь», свёртывающем время - см «Наука незнания» II, 3, 106; ССХVI, 5; см. также Аристотель, «О небе» III, 1 300a14 («теперь» – как бы точка на линии).

⁵⁶ «aeternitas est ipsa subsistentia temporis» - см. также СХХVIII, 9

⁵⁷ «metrum et mensura» - см. прим. к XXII, 19; в общем о времени и вечности - см. Боэций «Утешающая философия» IV, 6; V, 6

⁵⁸ на тему вечности мира - см. ССХVI, 21-25; «Охота за мудростью» IX, 25-26. Ср. также: Аристотель, «Физика» IV, 1 251 a3-4; Прокл «Комм. к Пармениду» VII, 1213 и марг. НК: «До Платона все считали, что все содержится во времени, и что бесконечное время вечно»

⁵⁹ «Наука незнания» II, 12, 160-164

⁶⁰ т.е. фактически раньше календарного равноденствия (21 марта); на Базельском соборе Н.К. специально занимался вычислениями календарной погрешности, подготавливая почву для так и не состоявшейся тогда реформы («De reparatione kalendarii», 1436)

⁶¹ ср. Аристотель, «О небе» I, 10

⁶² в главе VI выше

Ещё не пожалеешь, если взглядишься, как вместимость⁶³ изопериметрического круга превосходит вместимость всякого возможного многоугольника, свёртывает в себе всякую вместимость и есть действительная вместимость всякой возможной вместимости. Так что даже если дан круг, периметром равный многоугольнику, то вместимостью он равным ему от этого тем не менее не становится, но всегда оказывается более [ёмким] и совершенства своего не утрачивает, пусть даже и имея равный периметр.

Отсюда можешь вести охоту за тем, как Творец, хоть и будучи полным равенством и истинной мерой вещей, не большей и не меньшей, никогда тем не менее не перестаёт обладать бесконечной мощью. Ты знаешь, что совершенство и свёрнутость тем больше, чем более едина и проста форма⁶⁴. Круг проще любой, какую только можно сформировать, фигуры; тем самым сила его вместимости среди фигур самая совершенная. Поэтому та форма, которая в силу своей бесконечной простоты есть форма всех форм, обладает бесконечной мощью.

Теперь вернись ещё внимательней к тому, как возникает из точки конечная линия, а из неё - различные многоугольные фигуры и наконец круг. Фигура минимальной вместимости - треугольник, максимальной - круг, в промежуток же попадает бесконечное число изопериметрических многоугольников с вместимостью, меньшей чем у круга, и большей чем у треугольника. Причём и все многоугольники, и круг возникли из единственной точки. Но фигура есть подобие формы⁶⁵. И тогда смотри: форма треугольника, будучи низшей, обладает своей силой, т.е. своей треугольной вместимостью, так же и форма четырёхугольника - своей, и т.д. Отсюда имеем, что нет ни одной формы без собственной силы. И, поскольку многоугольники именованы по числу углов (у «треугольника» три угла, у «четырёхугольника» четыре - и так до бесконечности); но то, что даёт имя (или раздельность), есть форма; то тогда отсюда следует, что число и есть форма. Но всякое число - от единицы, в которой оно свёрнуто. И как из точки вытекает линия, так из единицы - число.

Тем самым многоугольник невозможен как без линии, так и без числа. В линии он дан потенциально (поскольку из прямой линии может получиться и треугольник, и четырёхугольник, и пятиугольник и т.д.), актуально же складывается, лишь когда прямая линия делается угольной, соединяет края и оформляется числом. Число [в свою очередь] бывает только из ума, ведь лишённый ума считать не может. Стало быть, действующая причина формы - ум, а всякая форма есть подобие умного понятия бесконечной мощи⁶⁶.

⁶³ «capacitas» - букв. вместимость, ёмкость, площадь в геом. смысле, но также способность, восприимчивость – важный термин в богословии НК: см. прим. к «О начале» 29 и к CLXIII, 6

⁶⁴ см. «Книга о причинах» XVI ; у НК: «О начале» 8

⁶⁵ ср. CL, 3

⁶⁶ «Causa igitur efficiens formae mens est. Unde omnis forma est similitudo conceptus mentalis infiniti vigoris» - ср. Прокл «Комм. к Пармениду» IV 896-897 и марг. НК 283: «species ques noemata id est

Отсюда видим: Творец сотворил две вещи: почти ничто – точку (ведь точка настолько близка к ничто, что если прибавить точку к точке, получится не больше, чем если бы прибавили ничто к ничто), и другое, почти Себя – «одно»⁶⁷. И объединил их, чтоб была одна точка. В этой одной точке была свёрнутость мира⁶⁸.

Далее. Выведение мира из этой одной точки мыслимо по подобию того, как из одной точки выводится одна линия, а из неё возникает один треугольник или один четырёхугольник [и т.д.], и [наконец] последнее, наипростейшее, наисовершеннейшее и наиподобнейшее Творцу - круг. В самом деле: поскольку треугольнику невозможно появиться из линии без трёх углов, то в форме треугольника тем самым совпадают единица и тройка, единица сущности и тройка углов; в четырёхугольнике - единица и четвёрка, единица сущности и четвёрка углов, и т.д. В круге тогда [совпадают] единица и бесконечность, единица сущности и бесконечность углов. И более того, сама бесконечность там и есть единица, ведь круг – это целый угол, тем самым он сразу и един, и бесконечен, и есть действительность всех, какие можно сформировать из линии, углов.

Отсюда выведешь, как Творец одного мира сделал его происходящим из одной сотворённой точки наподобие того, как наш ум, желая изобразить фигуру, начинает от одной точки, простирает её в линию, затем сгибает линию по углам, чтобы замкнуть плоскость - и получает многоугольник.

В книжке «О дополнении математики» говорится, как линия через одно простираение становится треугольником, через другое, большее, - четырёхугольником, через максимальное - кругом. Тем самым круг соответствует самым совершенным творениям - тем, что более всех подобны своему Творцу, каковы суть вышние умы⁶⁹, ведь ничего нет благороднее ума. Ум же человеческий видится подобным началу мира, это как бы одна точка⁷⁰, которая, выведенная в живую линию, простирается, чтобы получить какую-нибудь вместимость и стать, скажем, треугольником. Обладая умной жизнью и чувствуя себя протяжённым до некоей вместимости, ум простирает сам себя до вместимости ещё большей - четырёхугольной, пятиугольной и т.д. И никогда не может прийти к такой

effectus intellectus sunt noemata sunt conceptus mentis»; также Прокл, там же, IV 902 и марг. НК 5 (cod 3074): «noemata sunt conceptus mentis» (о маргиналиях НК к Проклу см. прим. к «О начале» 2)

⁶⁷ ср. Августин, «Исповедь» XII, 7: «Из ничего Ты создал небо и землю, нечто великое и нечто малое (...), великое небо и малую землю, две вещи, одну - почти Тебя, другую - почти ничто. Выше одной – Ты, ниже другой – ничто» (возможно, здесь у НК через Альберта Великого, «На Имена Божии» IV, 21). Ср. также у НК: ССXLIV, 17; «Наука незнания» II, 2, 100

⁶⁸ ср. Августин, «О познании истинной жизни» 25: «Не по подобию ли мельчайшей точки собран весь этот мир в Боге?». У Н.К в марг. к Альберту Великому («На Имена Божии» 2, 48): «хотя одно более подобно Богу, всё же точка более подобна Ему в той мере, в какой Он - Творец» (232). О мире как точке см. также у НК: «Игра в шар» I, 9-10.

⁶⁹ «supernae mentes» - т.е. ангелы, «интеллигенции»

⁷⁰ человеческий ум как «первом образе божественного свёртывания» - см. «Простец об уме» IV, 74

вместимости, чтоб нельзя было стать ещё более вместимым. Так он непрерывно подступает к круговой вместимости, которой своей силой не достигает никогда, но благодать Творца восхищает⁷¹ его от вместимости угольной в круговую, подобно тому как восхищаются школяры от чтения отдельных книг к универсальному искусству и магистерскому умению читать все книги. Ведь читающий отдельные тексты, читает их до тех пор, пока наконец в свете того или иного искусства не приобретёт потребного, *чтоб стать магистром, совершенства*⁷².

Вот подходящее фигурное уподобление, способное привести тебя от того, в чём математически на опыте убеждаемся о многоугольниках и круге, к видению различия между умами, достигшими совершенства умной вместимости через восхищение в умопостигаемый мир, и теми, что охотятся за вместимостью в мире чувственном под отдельными чувственными знаками⁷³.

Х

Но хотя круг и самая совершенная из фигур, всё же сравняться с бесконечной прямизной (которая также и бесконечный круг) ему невозможно. Из бесконечной прямой не может возникнуть ничего, поскольку она в действительности уже есть любая из возможных фигур (так что эту прямую нельзя согнуть, чтобы сделать её иной, чем она есть, не имеет она и краёв). Поэтому в конечной прямой [или отрезка] пусть она и носит подобие бесконечной, присутствует тем не менее - в силу её конечности и несовершенства - много потенциального. Из отрезка могут возникнуть, замыкая плоскость, [различные] фигуры, но ни одна из них не дана в нём актуально. И когда из него образована [та или иная] фигура, скажем, треугольник, то - оттого что края уже сомкнуты - другая фигура из того же отрезка возникнуть не сможет, пока, оставив первую фигуру, не развернёшь отрезок обратно в прямую линию. Отсюда ясно, каким образом совпадают форма и конечная цель⁷⁴: в форме нет возможности другой формы так, чтобы из одной возникла другая, ведь форма есть

⁷¹«rapitur»; «raptus» (восхищение или восторг) – почти термин в традиции западной мистики в связи с 2 Кор 12, 2 («восхищен был до третьего неба»); см. Альберт Великий, «На Имена Божии» VII, 7; «На Мистическую теологию» I и марг. НК: «quid est raptus» (591). НК, однако, больше склонен использовать термин для описания устройства человеческого ума: «Апол. науки незнания» 16; «Наука незнания» III, 11, 245-247; «О Богосыновстве» II, 64; «Простец о мудрости» I, 17. Пример с «восхищением» в школьном обучении: «О даре Отца светов» I, 94; «О Богосыновстве» II, 56-61; IV, 74-75; «О мире веры» XII, 37; CCLXIX, 6; etc.

⁷² «perficitur, ut fiat magister» - ср. Лк. 6, 40: «perfectus autem omnis erit sicut magister eius» (синод. «усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его»)

⁷³ ср. «О квадратуре круга» (1450): «...мера, с которой человек устремляется к разысканию истины, несоизмерима (improportionalis) с истиной, поэтому те, кто успокаиваются по сю сторону точности, не замечают ошибки. В этом различие между людьми: некоторые решают (se jactant), что уже достигли точности, про которую более мудрые знают, что она недостижима (как глубже учёность тех, кто знает своё незнание)».

⁷⁴ см. Альберт Великий, «На Имена Божии» IV, 89 («»); «Auctoritates Aristotelis» II, 61: «forma est finis materiae»

предел движения и актуализация потенци, но не потенция. Поэтому виды не превращаются [друг в друга]⁷⁵.

Однако одна форма может быть в другой, подобно тому как заключён внутри четырёхугольника треугольник (при том что самим четырёхугольником треугольник никогда и не станет). Но такая присутствующая в другой форма не есть форма видовая, но родовая, поскольку для одной вещи, или индивидуума, может быть только одна видовая форма, и следовательно, та форма, что присутствует в другой, находится там как родовая - в видовой, как растительная - в чувственной, а в человеке – как чувственная в разумной. И подобно тому как заключённый внутри четырёхугольника треугольник не даёт четырёхугольнику имени, но тот получает его от своей последней формы, свёртывающей в своей вместимости треугольную, - и форма тоже присутствует в [другой] форме таким образом, что последняя форма, не допускающая «больше» и «меньше» и состоящая в чём-то неделимом, свёртывает в себе, или своей вместимости, низшие формы, которые в ней свёрнуты, а не развёрнуты в качестве форм, т.е. [не даны] актуально.

Теперь снова посмотрим на прямую [линию]. Форма есть то, что определяет вещь⁷⁶. В самом деле, из линии можно образовать какой угодно многоугольник. Допустим, эту её потенцию определит треугольная фигура и получится треугольник. «Треугольник» означает «три угла». Углы, однако, есть у всякого многоугольника; поэтому субстанциальная форма получает имя не от наличия углов, которое обще всем, и не от наличия сторон или линии, образующей периметр, ибо и периметр, и стороны, и углы общи всем - в отличие от числа углов. Следовательно, субстанциальная форма многоугольника получает имя от свойственного [каждому] виду числа. И если единицу считать началом, поскольку она определяет вещь и есть как бы определяющая форма, то тогда число будет субстанцией вещи⁷⁷. И это надо заметить: что если единица - субстанция, то так же и число, поскольку число состоит из единиц.

С другой стороны, по природному порядку вещь обладает бытием раньше, чем различённостью (или неотделимостью от себя и отделённостью от других вещей), так что форма даёт прежде бытие, и уж за тем следует, что вещь неотделима от себя и отделена от чего бы то ни было другого, благодаря чему её называют «одной»⁷⁸.

⁷⁵ «species non transmutantur» - ср. «Auctoritates Aristotelis» I, 257: «quaecumque transmutantur habent materiam» (Аристотель, «Метафизика» XII, 2 1069b 24-25); также ср. «Физика» V, 1 224 b11

⁷⁶ «forma est terminans rem» - формула из Альберта Великого, «На Имена Божии» XIII, 16: «forma rei est terminans rem»). Дальнейшее изложение также в значительной степени по этому фрагменту Альберта.

⁷⁷ ср. Аристотель «Метафизика» I, 6 987 b9-25 (место, отмеченное пространными маргиналиями Н.К.); также 1053 b11-13; 1080 b6-20

⁷⁸ «forma prioriter dat esse et consequenter ad illud sequitur, quod sit indivisum a se et a quolibet alio divisum, ut propter hoc res dicatur una» - ср. марг. 124 к Альберту, ук.соч. I, 16: «forma quae dat esse habet terminare rem faciens eam divisam ab aliis indivisam a se» («дающая бытие форма должна ограничивать вещь, делая её отделённой от других и нераздельной с собою»). См. также у Альберта

И тогда выходит, что вещь называют «одной» от той единицы, что является началом числа. Следуя после бытия, эта единица ему привходит, ведь всё следующее за бытием привходит ему. С такой точки зрения единица привходит вещи и есть начало числа. В таком случае числа уже не суть субстанции вещей, поскольку развёртываются из привходящего начала.

Однако та единица, которая начало, свёртывает всю мощь единицы и как таковая есть начало, разом и определяющее, и делающее «одним»; делая «одним», оно определяет и, определяя, делает «одним»⁷⁹.

Если иметь в виду это совпадение, то ясно, почему пифагорейцы и перипатетики расходятся в речах, когда пифагорейцы называют число субстанцией, а перипатетики акциденцией. Над обоими утверждениями видно совпадение - в числе, в котором совпадают простота и составленность, так как составленность его - из него же самого и поэтому есть простота (как об этом в другом месте⁸⁰). Над тем, что перипатетики называют субстанцией и акциденцией, - там, где они помещают сущее, там же следует поместить и «одно», которое взаимнообратно с сущим⁸¹. Поэтому по-разному надо судить о происходящем из ума числе - смотря по тому, происходит ли оно из единицы нетварного ума или из ума тварного. Единица первого числа выступает как природная форма, второго - как форма искусства. Природная форма субстанциальна, поэтому субстанциально и число этой единицы. Форма искусства акцидентальна, это - фигура, приходящая после бытия вещи, поэтому и её единица акцидентальна⁸². Отсюда, когда именуем субстанциальную форму «одной», то «одной» зовём её от единицы, которая может быть только субстанциальной, и эта единица субстанциальной формы - не иное, чем сама форма. Поэтому когда одна субстанциальная форма даёт бытие, «давать бытие» значит для неё и «определять», и «единить», и «формировать». Поскольку в других местах во многих книжках я касался этого довольно часто⁸³, сказать здесь так будет теперь достаточно.

XI

- там же XIII, 7. Тезис «forma dat esse» у НК: «О даре Отца светов» II, 98; «Простец о мудрости» I, 23; «Апология науки незнания» 37; «О неинном» IX, 33; ССХVI, 17; ССХХVII, 6

⁷⁹ терминология здесь почти дословно вслед за Альбертом: ук. соч. XIII, 16

⁸⁰ «Простец об уме» VI, 90-91; ср. также ССII, 2

⁸¹ о взаимнообратимости сущего и одного - см. Аристотель, «Метафизика» 1001 a4-b5; 1003 b23; 1040 b16-19; Дионисий Ареопагит, «О Божиих именах» XIII, 3; Альберт Великий, «На Имена Божии» XIII, 7; XIII, 23: «высшее единое ... существует выше самого единого, т.е. выше первого единого, которое взаимнообратно с бытием». См. также у НК: «Наука незнания» I, 2, 5; II, 7, 129; «О мире веры» VIII, 22; «Охота за мудростью» VIII, 22.

⁸² ср. Альберт Великий «На Имена Божии» I, 19: «природная форма субстанциальна, а искусственно созданные формы акцидентальны, всё, что идёт после бытия есть акциденция».

⁸³ см. «Наука незнания» I, 16, 45; «О даре Отца светов» II, 98

Нельзя упустить того, что для данной прямой может быть дана равная окружность, а не наоборот, ведь второе можно узнать, только узнав первое - и далее через пропорцию (как об этом говорится в много раз помянутой книжке «Дополнения»).

Древние искали квадратуру круга, и это разыскание предполагает, что для данной окружности может быть дана равная ей прямая. Найти искомое им так и не удалось. А вот если бы искали «скругления квадрата», то, возможно, и нашли бы⁸⁴. Отсюда имеем: круг не измеряем, но измеряет – что значит: вечность, поскольку превосходит всё измеримое, не измерима, но сама измеряет всякую длительность. Бесконечное нельзя измерить, поскольку оно бесконечно и беспредельно, а следовательно не может быть замкнуто пределами какой-либо меры. Напротив, оно само есть мера всего. Ведь бесконечное - конец, цель и предел всего. Так абсолютная мера не измерима какой-либо конкретной мерой. И поскольку никакая мера не является таковой без меры абсолютной, последняя есть поэтому истинная и предельно равная мера всякой конкретной и именуемой меры, подобно тому как белизна не измерима ничем белым, но сама измеряет всё белое, поскольку белое является таковым от белизны.

Отсюда ясно, что никакому творению Бога *не объять*, ибо Он, превосходя любую вместимость, не измерим никаким умом⁸⁵. Но, поскольку должно быть к Богу [какое-то] касательство (*atingi*)⁸⁶, соприкасаются с Ним не как Он прикасаем в Себе, но как прикасаем в соприкасающемся, а это значит - в равенстве меры соприкасающегося⁸⁷. Таким образом, все умы соприкасаются с Богом согласно мере

⁸⁴ «quadrati circulationem» - новизну своего подхода по сравнению с античной математикой НК видит в перемене точки зрения: надо не измерять круг квадратом (*quadratura circuli*), а наоборот исходить из того, что квадрат уже измерен кругом (*circulatio quadrati*) – ср. ниже главы XIII-XIV, и §§ 9-10 и 13 Эпилога о «необратимом» (*inconvertibile*) соотношении круга и прямой линии

⁸⁵ «*deum incomprehensibilem per omnem creaturam... maior est enim omni capacitate*» - ср. Ин. 1, 5: «*et tenebrae eam non comprehenderunt*» (синод. «и тьма не объяла его»); также ср. у Ареопагита («Об именах Божиих» XIII, 1, в пер. Иоанна Сарацина): «*a nullo captum aut comprehensum*»; Альберт Великий, «На Имена Божиих» XIII, 6

«*omni mente immensurabilis*» - здесь и ниже об «измеряющем уме» имеется в виду, что, по НК, «измерение» (*mensurare*) есть собственное действие ума (*mens*) - см. «Простец об уме» I, 57; «Берилл» 71. Выводя «*mens*» от «*mensurare*» или «*metiri*», НК следует в этом (вместе с Фомой Аквинским, см. «Об истине» 10.1) Альберту Великому («На Имена Божиих» I, 31; марг. НК 143). Мысль Альберта опирается, в свою очередь, на Аристотеля: «Метафизика» X, 1 1053 а35-36. Более традиционная этимология производит «*mens*» от «*memini*», т.е. от памяти; см. Исидор Севильский, «Этимологии» XI, 12-13; Августин, «О Троице» X, 11-12 (18-19)

⁸⁶ «*deum incomprehensibilem... sed si deus attingi debet...*» - здесь интересно различие между «*comprehendere*» (захват, охват, прочное обладание – см. прим. к CCLXVIII, 1) и «*atingere*» (прикоснуться, достичь), которые в ином контексте у НК прочитываются как синонимы в значении «постижения»: «*inattigibile inattigibiliter attingitur*» («Простец о мудрости» I, 7), «*incomprehensibilia incomprehensibiliter amplecter*» («Наука незнания» 263).

⁸⁷ ср. «О квадратуре круга» (1450): «Все фигуры пытаются, насколько могут, измерить вместимость вечной истины. Но поскольку между конечным и бесконечным нет никакой пропорции, Бог поверх всякого разыскания остаётся неизвестной точностью, которой не познать ни в чем познаваемом. Каждая сотворённая вещь тянется определить Бога изнутри пределов своей природы, как если бы

своей вместимости, подобно тому как для любой данной конечной прямой дана окружность не больше и не меньше [её]. То же, что не больше и не меньше, мы и называем «равным», хотя с точки зрения равенства субстанциального, оно в собственном смысле равным не является: одна субстанция - не более субстанция, чем другая (поскольку субстанция есть не количество, а субстанция, и следовательно не допускает - в отличие от количества - «больше» и «меньше»⁸⁸), что, однако, не делает все субстанции равными [друг другу], ибо одна бывает совершеннее другой⁸⁹.

Далее. Обдумай, что одно видимое видят многие, но всё же не в равной степени, поскольку двое не могут видеть с равной точностью; каждый касается (attingit) видимого и измеряет его под своим особенным углом зрения, причём не считает его большим или меньшим, чем доступно глазу. И всё же никакой глаз не касается видимого в точности так, как оно видимо. Подобным образом обстоит дело с умом и его предметом – истиной, или Богом. Углу, под которым зрение видит, соответствует вместимость, через которую ум измеряет. Тут, однако, есть важная разница. Зрение как таковое неспособно изменить угол, сделав его больше или меньше, чтобы видеть истиннее и отчётливее, поскольку этот угол находится не в зрении, а в органе, тогда как вместимость интеллекта не находится в органе, поскольку не привязана, как чувство, к телесному органу⁹⁰, но возможность его [интеллекта] актуализирована так, что всякий раз может актуализироваться ещё и ещё [полнее]⁹¹. Это как если бы точку, в потенции которой дана линия безграничная, вывести из потенции к акту так, чтобы выведенная линия оказалась длиной в фут, то тогда ум (который, допустим, измеряет посредством такой линии) измерял бы всё по футу. А если бы исхождение точки продолжилось дальше и линия выросла бы до двух футов, то тогда и ум измерял бы всё по два фута. Ум [однако] устроен

треугольник захотел заключить круг в треугольник (trigonare), четырёхугольник - в четырёхугольник, и т.д. о многоугольниках, а мыслящая природа – в мысль. Но хотя Бог, Сам не имеющей частей, будучи бесконечной простотой, ни на сколько не превосходит никакой из всех способов измерения, различающихся по виду, Он тем не менее превосходит всякую меру величины так, что [всегда остаётся] чуть больше всего искомого. И так превосходит все мельчайшие фракции тонких мер, будучи тоньше всех таких фракций, что ни восходя, ни нисходя, нельзя достичь Его точности. Всякой природе, однако, довольно достичь Бога в своём виде способом, каким способна. Она ведь находит покой тогда, когда за пределами своего вида Его не ищет и не представляет существующим. Следовательно удовлетворение (sufficientia), которым она Его в своём виде и способом, каким способна, достигает, есть её покой, ибо исполняет (satietas) движение её природы. (...) Так находит покой всякий интеллект, если доступным его виду способом чувствует себя возводимым к равенству бесконечности - при том что божественная точность остаётся всегда неприступной».

⁸⁸ ср. Аристотель, «Категории» 3 b34; 4 a8; «Метафизика» VIII, 3 1044 a10-12.

⁸⁹ т.е. равенство, каким Бог равен любой тварной вещи как её мера, не есть равенство субстанции, субстанциальное равенство есть «единосущность» (consubstantialitas) – ср. CCLXXXIII, 6: «Summa enim aequalitas quae aequalior esse nequit, est consubstantialitas»

⁹⁰ «Auctoritates Aristotelis» VI (139): «Intellectus non habet organum in corpore, sed ab omni organo corporali separatus»; Аристотель, «О душе» III, 4 429 a22-27

⁹¹ «sed est eius possibilitas sic actuata, quae potest continue plus et plus actuari, quasi si punctus...» – не вполне ясная фраза; мой перевод несколько произволен, возможны и другие прочтения

противоположным образом, ибо мощнее та сила, что приведена к единству⁹². В своём схватывании ум сперва подобен некой расплывчатой мере, вроде линии нечёткой длины, которая, будучи живой, сама стягивается от расплывчатой нечёткости к той или иной чёткости. Допустим, линия стянется в сторону центральной точки до того, чтоб стать [скажем] той линией, что зовут «десятифутовкой»⁹³. Такая годится только землемерам, потому что более тонкие меры затронуть ею невозможно; да и вообще всё измеримое будет тогда затрагиваемо только согласно этой грубой мере. Но если затем линия стянется ещё ближе к центру(или точке) и сделается футом, то тогда и всё измеримое она будет измерять тоньше и чётче. И так если всякий раз будет делаться всё более единой и простой, то и измерительная сила будет постоянно расти, приобретать всё большую чёткость и оказываться всё ближе к точности. Отсюда выведешь, что человеческий ум не есть энтелехия тела в том смысле, в каком зрение – [энтелехия] глаза⁹⁴, поскольку потенция ума не зависит от органа; но [ум - это скорее] как бы огонь в потенции: стоит какому-нибудь движению его из потенции извести - и [дальше он уже] в себе самом имеет движение, в котором непрерывно актуализируется всё полнее и полнее. Огонь - подобие действующего интеллекта⁹⁵, а то, в чём он скрывается (и что называют «потенцией»⁹⁶) – подобие интеллекта возможного. Причём изводится интеллект из потенции в тот или иной акт посредством удивления⁹⁷, которое подвигает ум искать, что такое есть то, что воспринято

⁹² см. «Книга о причинах» XVI ; у НК: «О начале» 8

⁹³ букв. «pertica» – римская мера длины, равная десяти римским фута.

⁹⁴ ср. Аристотель, «О душе» II, 1 412 a21; «Простец об уме» VII, 97

⁹⁵ сравнение действующего интеллекта с огнём см. у Альберта Великого, «На Имена Божии» IV, 27; у НК: «Об искании Бога» III, 43

⁹⁶ ср. CXXXI, 8

⁹⁷ об удивлении как начале познания (Аристотель, «Метафизика» I, 2 982b12) у НК: «Наука незнания» 15-18; «Простец об уме» I, 51; CCXLIII,16. Впрочем, по НК, удивление – не только начало познания, но и его завершение, поскольку его завершение есть знание о незнании (CCLXVIII, 15: «finis philosophiae admiratio»); см. также: «Охота за мудростью» XV, 45.

В связи темой пробуждающего (excitare) удивления интересно вспомнить название, данное ранними издателями в XVI веке собранию проповедей НК: «Excitationum libres decem». Ср. XLI, 31-32: «Я полагаю, что в устройстве мира наш интеллектуальный дух (spiritus intellectualis) стоит на низшей ступени интеллектуальной природы, ибо по своей природе он [остаётся] в потенции понимания, в действительности не понимая. А из потенции в акт его выводит пробуждающее удивление. Пробуждение начинается с движением образов, воспринимаемых из чувственного мира, чтобы ум проснулся в удивлении. Удивление заставляет удивляющегося искать, что его вызвало. Интеллект просыпается, как когда громкий голос, сотрясающий) чувственный слух, пробуждает к бодрствованию спящего. Вот так наш интеллект, словно спящий и пребывающий в потенции интеллектуальной жизни (т.е. понимания или бодрствования), становится действительным, чтобы бодрствовать. И тут загорается в пылом любовном влечении к постижению Того, Кто – Податель всего. Когда цветной образ приносит себя глазу, дух в глазу чувствует препятствие, и чувственная душа обращается тогда поверх образа и, удивляясь, ищет, чей это образ. А через зрение, посредством чувственных образов пробуждается интеллект, чтобы искать «чтойность»: называет то, чьё изображение [видит], человеком, удивляется - что за человек? - и так приходит в движение, чтобы действительно понять истину, сущность или единство человека - и т.д. В этом я вижу причину, почему интеллектуальный дух, по своей низкой степени интеллектуальной природы спящий и пребывающий

чувством. Потому-то [человеческий] ум и находится в теле, и тело ему необходимо, ведь иначе, будь он подобно уму ангельскому актуальным, его не поместили бы в тело, данное уму лишь для того, чтобы чувственное удивление будило ум и тот двигался к совершенству.

Тем самым тебе понятно, что ум не зависит от тела, хотя без него неспособен прийти к совершенству. Поэтому с разрушением тела ум не разрушается, хотя иногда и ослабевает из-за этого в совершенстве. Зрение, напротив, полностью слабеет, когда ослабевает глаз, без которого не видит. Будучи же уже приведён в актуальное состояние, ум измеряет тем острее, чем больше отделяет себя от тела, замыкает чувственные органы и, отрешась от тела, стягивается к своему центральному духовному бытию.

XII

Ещё отметим: подобно измеряющему любой многоугольник кругу не только вечность измеряет всякую длительность, но и покой, вечный или бесконечный, [измеряет] всякое движение, а единство предмета - всю [его] потенцию.

Кроме того, обратим внимание на то, как, используя углы, посредством пропорций производят превращения фигур (замысел чего изложен в много раз помянутых «Дополнениях»).

Тогда и Самого Бога можно представить как бесконечный угол, посредством которого в соответствии с уподобительной пропорцией (*proportionem imitatoriam*) происходит всякое превращение вещей, потому что Бог - это как бы угол такой, что равно максимален и минимален⁹⁸.

В самом деле, возьмём полукруг и представим, что радиус, перпендикулярный диаметру и образующий два прямых угла, непрерывно двигается к совпадению с диаметром. Ясно, что один угол непрерывно растёт, а другой на столько же уменьшается. Но раньше совпадения радиуса и диаметра ни первый угол никогда не станет абсолютно максимальным, таким чтоб не мог стать ещё больше, ни другой

лишь в потенции, временно связан с телом: через образ этого мира он действительно пробуждается к познанию, т.е. к жизни и бодрствованию. Так что всё тело и весь этот мир служат нашему духу, чтобы он пробудился в любви к своей жизни».

⁹⁸ «*uti angulus maximus pariter et minimus*» – ср. марг. 589 к Альберту Великому («На Мистическую теологию» I, 4), где НК критикует Альберта: «*exponit modo suo, ut vitet contradictionem, sed in hoc videtur insufficienter exponere. Nam Dionysius ponit “partier” et “simul” etc. quia est solum Deus ultra coincidentiam contradictorium. Unde latum et breve, multum et paucum coincident in Deo et hoc est mystica theologia*» ([Альберт] «толкует на свой лад, чтобы избежать противоречия, но именно в этом его толкование и выглядит недостаточным. Ибо Дионисий утверждает: «в равной степени», «вместе» и т.п., поскольку только Бог по ту сторону противоречий. Отсюда «пространно и кратко», «много и мало» совпадают в Боге, в чём и состоит мистическая теология». (см. Ареопагит, «Мистическая теология» I, 3)

- абсолютно минимальным, таким чтоб не мог стать ещё меньше. Но если считать, что один угол просто максимален, то он будет ещё и просто минимальным. И этого не произойдёт до тех пор, пока линии не совпадут. Стало быть, если иметь в виду, что две стороны угла разрешаются в одну прямую линию, то видно, что имя «угла» ему больше не подходит. Из этого можно понять, почему восходящий к бесконечному Богу кажется восходящим скорее к ничто, чем к чему-то (о чём говорит и божественный Дионисий⁹⁹).

И вот, посмотри, как удивителен Бог, который чем меньше кажется существующим, тем больше существует, и чем что-то кажется о Нём невозможнее, тем более оно необходимо. И ещё посмотри, как бесконечный угол с необходимостью свёртывает противоположности - максимум равно как и минимум, и что не может количество быть бесконечным, или просто максимальным, и что бесконечное полностью отрешено от всего, что может быть верифицировано о конечном. И тот угол, который бесконечен, именно потому и окажется истинной мерой всех углов: он не больше любого из них (будучи минимален) и не меньше (будучи максимален). Тем самым, если в возможности геометра посредством углов превращать кривые фигуры в прямые и наоборот, то тогда во власти Бога посредством бесконечного угла превращать все вещи друг в друга. Но этот бесконечный угол не может быть ничем, кроме [Самого] Бога. Следовательно, Бог *посредством Себя Самого делает всё, что хочет*¹⁰⁰, в том числе превращая одно в другое. И Ему нет нужды иметь для разных превращений разные углы, или разные инструменты, как это надлежит геометру, но Он преобразует всё единственным бесконечным углом. И поскольку этот угол есть [Сам] Бог и воля Божия тоже есть Бог, то тогда этот просто максимальный угол и есть Божья воля. Поэтому Бог преобразует и изменяет всё одной волей¹⁰¹.

Наше «Дополнение» учит отыскивать, кроме того, ещё и несоизмеримые углы, относящиеся друг к другу подобно несоизмеримым линиям. Так, например, сторона квадрата несоизмерима с его диагональю, ибо если считать одну из них как бы чётным числом, то другая не будет ни чётным, ни нечётным. По этой причине, не умея вычислять соотношения всех линий, мы часто терпим неудачу с хордами и дугами. Но поскольку бесконечное число свёртывает в себе как чётные, так и нечётные числа, то его посредством вычисляют всё. И заметь, что корень из двух мы вычислить не можем и для любого данного приблизительного числа всегда может быть дано бесконечно более близкое. Следовательно точное [число] бесконечно. И

⁹⁹ см. например, Послание I к Гайю; «О небесной иерархии» II, 3. Однако в точности таких слов у Дионисия не находят, и сама формулировка восходит, скорее, к Тьерри Шартрскому («Комментарий к Троице Бозэция» IV, 28, 35-36). См. также «Наука незнания» I, 17, 51; письмо К. Айндорферу от 14.09.1453

¹⁰⁰ «Deus igitur mediante se ipso operatur quidquid vult» - ср. Притч. 16, 4: «Universa propter semetipsum operatus est Dominus» (синод. «Всё сделал Господь ради Себя»); Пс. 134, 6: «Omnia, quaecumque voluit, Dominus fecit» (синод. «Господь творит всё, что хочет»)

¹⁰¹ о воле Бога как последнем основании мира в противоположность античному «нецесситаризму» - см. «Наука незнания» II, 3, 111; «Берилл» XXIV, 38; XXX, 51.

вот бесконечное число, которое не более чётное, чем нечётное, и не более число, чем не-число, но есть неисчислимое число - оно-то в точности и исчисляет и корень из двух, и всё остальное.

И вот перед твоим взором число - неохватное, бесконечное и неисчислимое, максимальное и равно минимальное, к которому никакому рассудку не прикоснуться, разве что в тени и во мраке¹⁰², потому что никакому исчислимому числу оно несоразмерно (*improportionalis*). И ты видишь, что Бог, Которого называют числом всех вещей¹⁰³, есть число вне дискретного количества, подобно тому как Он *велик* вне количества непрерывного¹⁰⁴. Причём Тот же, Кто есть бесконечное число, оказывается ещё и бесконечным углом - с тем чтобы Самому, наипростейшему, наипростейшим образом исчислять, измерять и превращать всё и каждое.

Если разобрать это с максимальной тонкостью, то хорошо видно, почему Богу, Который больше, чем можно помыслить, т.е. есть сама абсолютная бесконечность, не может подойти вообще никакое имя. Невозможно ведь, чтобы имя «угла» в том значении, в каком его употребляют, подошло углу максимальному и бесконечному, который являет собой скорее не-угол, чем угол. То же и обо всех словах: слово употребляется всякий раз с тем, чтобы означать нечто, но всякое «нечто», т.е. «это, а не то», конечно и определено и как таковое никоим образом не может соответствовать бесконечности¹⁰⁵. Отсюда бесконечная мудрость, будучи не чем иным, как самой абсолютной бесконечностью, есть (если держаться смысла слова) мудрость не больше, чем не-мудрость; так же и бесконечная жизнь, поскольку она не что иное, как сама абсолютная бесконечность, не есть (в [принятом] словоупотреблении) жизнь в большей степени, чем не-жизнь. В самом деле, кажется, что бесконечность, будучи прибавлена к названию, притягивается (*contrahatur*) от своей абсолютной бесконечности к означаемому смыслу названия,

¹⁰² «in umbra et caligine» - ср. Исх. 20, 21 («Moyses autem accessit ad caliginem, in qua erat Deus»); Пс. 96, 2 («Nubes et caligo in circuitu eius», синод. «Облако и мрак окрест Его»). О «мраке» (*caligo*) богопознания - см. у Ареопагита: «Мистическая теология» I; Послание I к Гайю; у НК: «Апология науки незнания» 28-29, письмо К. Айндорферу от 14.09.1453 (дословно то же: «in umbra et caligine»); «О видении Бога» VII, 21-23; IX, 36-37; проп. ССХVI, 26-27; ССLVI, 13; «О бытии-возм.» 74.

Ср. также марг. 269 к Альберту Великому («На Имена Божии» II, 84): «Видно, что недостаток Альберта и вообще всех – в том, что всегда боятся войти в мрак (*intrare caliginem*), состоящий в допущении противоречий, ибо рассудок этого бежит и боится [туда] проникнуть. И оттого, избегая мрака, не достигает невидимого видения. Если бы пред-положил необходимым то, что предстаёт ему невозможным, и в незнании (*ignote*) вошёл в эту тьму, то несомненно нашёл бы невозможность необходимостью и тьму светом – не интеллектуальным постижением, но выше [его]– в видении, о котором говорит Ди[онисий] в Мистической теологии».

¹⁰³ «*numerus omnium rerum*» - ср.: Дионисий Ареопагит «Об именах Божиих» XIII, 3: «*omnis existentis principium et causa et numerus et ordo*» (в пер. Иоанна Сарацина); также: Эриугена, «О разделении природ» I, 208.

¹⁰⁴ «*ita est numerus sine quantitate discreta, sicut est magnus sine quantitate continua*» - ср. Ареопагит, ук. соч., IX, 2-3; XIII, 2-3; у НК: «Берилл» 63

¹⁰⁵ см. «Охота за мудростью» XXXIII, 97-100

но это невозможно, поскольку абсолютная бесконечность не притягиваема никаким смыслом¹⁰⁶. И хотя мы зовём Бога мудрым и живым, причём в одном смысле - мудрым, в другом - живым, всё же этой инаковости атрибутивных смыслов в простой бесконечности увидеть нельзя. Хотя мы понимаем, что все [атрибуты], какие из опыта относим к совершенству следствий, в причине пребывают в простой максимальной, там они тем не менее не могут быть друг другу иными, но все они, выделенные каждый тем или иным отличием согласно значению слова (на основании какового значения мы и рассуждаем) там суть сама бесконечность.

[Бог¹⁰⁷ (deus) именуется так от «theos», т.е. «видеть», потому что всё видит. Причём так, что [во-первых] видит всё во всех различиях пространственно-временного положения одним неподвижным взглядом; и [во-вторых] всё, на что смотрит, видит так, как если бы не видел ничего другого и целиком был обращён к разглядыванию именно этого и ничего иного. И это ещё более истинно, чем то, что солнце в каждое из окон светит в такой целости, что [например] сидящему у себя дома в Риме солнечный свет в собственном окне кажется до того целостным, словно ни в какое другое окно солнце больше не светит. Хотя солнце повсюду светит так в каждую комнату, тем не менее повсюду кажется, что именно ту комнату, откуда его видишь, оно заливает всем своим светом целиком без остатка так, что больше не светит уже никуда, словно только о той комнате, откуда его видишь, и ни о каких других имеет оно попечение. Сходным образом в резиденции Бриксенского епископа есть картина, где ангел, держащий церковный герб, глядит на всех и каждого из обступивших его полукругом с востока, юга и запада зрителей, причём на каждого в отдельности [глядит] так [пристально], что никому из них и в голову не придёт, чтобы он глядел ещё и на другого, пока кто-нибудь, решив занять соседнее место, перемещаясь, не заметит, что взгляд ангела движется вслед за ним. Похожие картины можно найти много где.

Отсюда можешь вести охоту за тем, где покой всего сотворённого. Всякая сотворённая форма, поскольку знает, что её собственная истина – это Бог, Который есть форма, дающая

¹⁰⁶ ср. «О начале» 39

¹⁰⁷ Далее до конца главы текст (выделен квадратными скобками) присутствует только в одном из ранних списков трактата; вскоре после написания фрагмент, вероятно, был исключён из текста «Теологических дополнений» самим НК, так как его тема вскоре развернулась в отдельное сочинение «Об иконе или о видении Бога» (см. в особенности 2-4). Ср. в письме К. Айндорферу от 14.09.1453 о «Теологических дополнениях»: «И ещё включил туда главку о том, как некий чувственный эксперимент, поставленный с помощью образа, который видит сразу и всех, и каждого (у меня есть такая картина), приводит нас к мистической теологии, когда мы с полной отчётливостью наблюдаем, что бесконечный взгляд видит сразу всех таким образом, что и каждого по отдельности. Тем самым всякому этот образ даёт опыт того, как Бог всю без остатка Своей любовью и заботой обнимает именно его одного, словно ни о ком другом больше Ему заботы и нет, а что Он на самом деле имеет попечение о ком-то другом, этого и помыслить невозможно, пока [этот другой сам] не откроет. И ещё многое об этом. Названные книжки сейчас уже закончены, я их пришлю. Однако мне подумалось, что упражнение в опыте (praxim experimentalem), столь красивом и вместе с тем столь очевидном, следует развернуть шире. У меня есть художник, который постарается изобразить сходный лик. Следуя книжке, которую я собираюсь присовокупить [к иконе], вы самостоятельно сможете, проделывая некий опыт, вести удивительно сладостную охоту за всем, что доступно знанию, преимущественно в мистической теологии. Мне до сих пор не встречалось более удачного средства, способного поддержать нашу немощь в понимании того, что выше нас, и я не успокоюсь, пока не закончу». НК дописал трактат «О видении Бога» 8 ноября 1453.

бытие всем формам, обнаруживает, что сама она есть то, что есть, в силу того, что Бог на неё одну смотрит, воздействует, просвещает и заботится о ней, чтоб ей было лучше всего, словно бы о других Бог и не заботился. И любое движение схожим образом являет, что Бог заботится о нём настолько, что движется вместе с ним и никогда его не покидает. И движение измеряет Бога через движение, как если бы Бог двигался медленно, когда движение медленно. Подобно этому кажется, что зрачки нарисованного ангела, если мысленно обойти его, двигаются - медленно или быстро, смотря по тому, медленно или быстро движется обходящий. И если ты, созерцатель, представишь Бога, т.е. *милость и любовь*¹⁰⁸, как бы предельно любимым ликом этого ангела, наполняющим всех на него взирающих весельем, смехом, наслаждением и радостью и тебя, чем больше смотришь, тем сильнее воспламеняющим и наполняющим жизнью, т.е. любовью, то тогда представишь себе и подобие вечного счастья, где один Бог так питает всех по отдельности (*singulariter*), что каждый считает что вся целиком забота и любовь Божия обращена как к своей цели на его ублажение, так что Он любит его всецело так, как только тот может быть любим, любит его одного и больше никого. И если откроется ему, что кого-нибудь ещё Бог любит сильнее, он не станет завидовать, потому что воображение такого не вмещает, а ум понимает, что из-за того любим не меньше, поскольку видит себя вне всякого сомнения любимым так, что сильнее полюбить никак невозможно. И он по праву обретает покой, ибо уже невозможно ему вожделем чего бы то ни было, чего он не имел бы. Он уже любим настолько, насколько может быть любим, причём насколько может быть любим, настолько и вожделем [любви] и тем самым уже имеет то, чего вожделем. А это, как ни говори, есть предел счастья.

Образ, глядящий сразу на всех вокруг, полезен для понимания многих вещей. Например, чтобы составить хоть какое-то понятие о том, как Бог оказывается точнейшей мерой всех вещей, в равной степени и самой общей, и самой уникальной, представь себе некое лицо, точно так же глядящее сразу на всех вокруг, как и описанные только что лик ангела, и что два человека передвигаются перед ним: один с востока на запад, а другой с запада на восток. Тогда обнаружится, что и лицо это тоже одновременно движется вместе с каждым из них. Передвигаясь одновременно в места друг другу противоположные, оно одновременно и оставалось бы в противоположных местах, т.е. на востоке и на западе, и одновременно двигалось бы с востока на запад и наоборот, с запада на восток, и одновременно стояло бы на месте и двигалось, т.е. тем самым двигалось бы неподвижно. Отсюда движение в Боге совпадает с покоем, движение с востока совпадает с движением с запада, движение в одну сторону совпадает с движением во все направления пространства.

Ещё заметь, что, взглянув на это лицо ты обнаружишь, что и оно глядит на тебя и ни на миг, пока ты сам на него глядишь, тебя не покидает, стоишь ли ты [при этом на месте] или движешься. Но стоит тебе отвернуться от него – и оно от тебя отвернётся, стоит повернуться к нему – повернётся к тебе и оно. Так что если представить это лицо простым и нестяжённым, отрешённым от количества, величины и иных качеств, то тогда в каком модусе сам на него поглядишь, и оно тоже будет глядеть на тебя: если весело – то весело, если гневно – то гневно, если уважительно – то уважительно, если любовно – то любовно, если мужественно – то мужественно, если женственно – то женственно, если по-детски – то по-детски, если по-взрослому – то по-взрослому, если по-человечески – то по-человечески, и так о каждом возможном модусе.

¹⁰⁸ «*caritas et amor*» – ср. из службы Великого Четверга (антифоны на умовение ног): «*Ubi caritas et amor, ibi Deus est*»

Ещё если захочешь разобрать, кто кого увидит раньше: оно тебя или ты его, - то найдёшь, что это лицо, словно и то [ангельское] лицо нарисованное, неподвижно и к нему неприложимо «раньше» или «позже», ибо эти определения для неподвижного не годятся. Очевидно, что в нём эти определения совпадают. Ты взглянул на него - и оно ответило на это тебе своим взглядом, в том же модусе, что и ты. Ты [вроде бы, взглянул] «раньше», а оно «позже», но, поскольку «позже» в нём совпадает с «раньше», кажущееся тебе «позже» на самом деле есть «позже» не в большей степени, чем «раньше». Тем самым изменяется оно неизменно, как и движется вневременно, т.е. неподвижно. Тебе кажется, что переменялось само лицо, потому что переменялся ты, и что оно смотрит сейчас сюда, потом туда, потому что ты глядишь на него то отсюда, то оттуда, и что само оно называется сейчас так, а тогда иначе, потому что ты его называешь сейчас так, а тогда иначе. И вот так ты начинаешь видеть, что неизменяемый Бог именуем по-разному, потому что Его именуют именами всех вещей, и что в Нём совпадают именуемость с неизменяемостью, выразимость с невыразимостью и измеримость с неизмеримостью. Все какие ни существуют вещи измеряют Неизмеримого, словно видят Невидимого, тем модусом, каким сами существуют. Вот за такой и подобной ей добычей позволит тебе, созерцателю, поохотиться это лицо, в коем дано подобие всевидящего Бога.]

XIII

Не уставай снова и снова возвращаться к мысли, что получить для данной окружности равную ей прямую невозможно, если прежде не найти способ получения равной окружности для данной прямой (и тогда, узнав пропорцию между окружностями, приходим к знанию неизвестной прямой: через прямую уже известную и пропорцию окружностей). Так что если ту максимальную истину, которая не может быть иначе, чем есть, т.е. ни больше, ни меньше, предложишь измерить наподобие окружности, то выполнить это сможешь, только построив какую-нибудь окружность как меру для какой-нибудь данной прямой. Для предложенной конечной прямой её мерой будет конечная окружность. Для предложенной бесконечной окружности, меры всех возможных прямых, её собственной мерой будет бесконечная прямая. Но бесконечная прямая и бесконечная окружность совпадают, так что бесконечная окружность и есть бесконечная прямая. Поэтому там совпадают мера и измеренное, причём бесконечное не измеряется конечным (между ними нет пропорции¹⁰⁹), но бесконечность есть мера самой себя. Следовательно, Бог есть мера Самого Себя. Но выше мы уже выяснили, что Он – мера всех вещей¹¹⁰. Тем самым Бог есть мера и Себя, и всех вещей. Потому-то никакому творению Бога не измерить, *не объять* и не постичь (*incompraehensibilis*): Он Сам есть мера Себя Самого и всех вещей, для меры же нет меры, как нет границы для границы¹¹¹. Следовательно, и истина, т.е. мера вещей, тоже постижима только через саму себя. Всё это приобретает очевидность в совпадении меры и измеренного: во всём, что по сю сторону

¹⁰⁹ см. прим. к «О начале» 38

¹¹⁰ см. гл. XI выше

¹¹¹ «termini non est terminus» - см. прим. к «О равенстве» 10

бесконечного, мера и измеренное различаются на «больше» и «меньше»¹¹², в Боге же совпадают. Причём совпадение противоположностей – это как бы периметр бесконечного круга, а расстояние между ними – как бы периметр конечного многоугольника.

Таким образом, в теологических фигурах дано «дополнение» того, что можно знать, и дано оно в знании, что различие между конечными [случаями] меры и измеренного¹¹³ в Боге есть равенство и совпадение, когда измеряющее там – это бесконечная прямизна, измеряемое прямизной - бесконечная окружность, само же измерение – единство, или связь, того и другого. То есть, в теологических [вопросах] «дополнение» означает смотреть на начало, где то, что в конечных вещах обнаруживается противоположным, пребывает в совпадении.

Как белым мы можем представить себе что-то, только если оно бело белизною, так и противоположными [те или иные] вещи можем помыслить, только если они противоположены противоположностью. Противоположность есть совпадение и равенство противоположных вещей. Бога, который есть *всё во всём*¹¹⁴, мы называем противоположностью противоположностей; и это – то же, что назвать Его свёртывающим началом, абсолютным совпадением и бесконечным равенством.

Итак, вот каким способом выпрямляем мы бесконечную окружность: помыслив окружность совпадением начала и конца, её прямолинейную меру представляем не линией ограниченной, замкнутой между двумя точками – началом и концом, но как свободную от всякой границы. Такая линия, не имеющая ни начала, ни середины, ни конца, измеряет совпадение начала, середины и конца на том основании, что она есть абсолютное равенство, в котором начало, середина и конец суть не иное, но одно и то же по способу равенства. И как всё, чему в конечных кругах случается быть переменчивым, что бывает различным и противоположным (например, восточная сторона противоположна западной, южная – северной и какая угодно – другой, расположенной по ту сторону диаметра; так же различаются центр, радиус и окружность и т.д.), совпадает в равенстве бесконечного круга, так всё, чему случается быть различным в прямых линиях, совпадает в равенстве бесконечной прямой. И поскольку бесконечная окружность есть прямая, то бесконечная прямая есть поэтому истинная мера, измеряющая бесконечную окружность. Тем самым она есть равенство, или совпадение, всего, что в конечном бытии предстаёт нам как то или иное, различное и противоположное.

¹¹² о разделении на меру и измеренное - см. Аристотель «Метафизика» X,6 1056 b32

¹¹³ «различие между... измеренного» - разночтение: «бесконечное различие меры и измеренного...»

¹¹⁴ см. Еф. 1, 23; 4, 6; Кол. 3, 11; также Дионисий Ареопагит, «Об именах Божиих» VII, 3

Таково дополнение [или завершение] теологии, через которое можно достичь всего, что доступно теологическому познанию, т.е. [достичь] всего, что доступно познанию самым совершенным, каким можно знать человеку в этом мире, способом¹¹⁵.

XIV

Всё, доселе скрытое от теологов и неизвестное исследователям¹¹⁶, через это «скругление квадрата» можно будет узнать вышеизложенным способом в той мере, в какой доступно познанию человека.

Например, когда Бога называют «theos» от видения и спрашивают, каким образом Он видит, - то отвечают: таким же, каким измеряет, ибо бесконечный круг охватывает все способы высказывания и вся теология подобна тому кругу, в котором все вещи суть одно¹¹⁷, и потому «видеть» для Бога – не иное, чем «измерять». Причём, Бог, как мерой является и для Себя Самого, и для всех и каждого, так и видением. Видение [как способность] и «видеть» [как акт] в Боге суть то же самое, и для Бога быть видением видящих значит видеть всё. И если спросят, не по-иному ли обстоит с Ним дело, когда Он видит Себя и когда видит сотворённые вещи, то ответим: бесконечному равенству, которое есть мера вещей, инаковость не подобает, но подобает тождество. Глядя на Себя, Он глядит сразу же и на всё сотворённое (причём ни в кое случае не порознь на Себя и на других); видя сотворённое, сразу же видит и Себя, ведь сотворённого, поскольку оно сотворённое, не увидеть в совершенстве, не видя Творца, как и следствия, поскольку оно следствие, в совершенстве не увидеть, не видя причины. Зрение Бога предельно совершенно: видя Себя как причину, Он видит также и всё причинённое, а видя причинённое как причинённое, видит также и Себя как причину. В Боге совпадают «измерять» и «быть измеренным», поскольку Он есть и мера, и измеренное; так же совпадают «видеть» и «быть увиденным», так же – «видеть Себя» и «быть увиденным Собою», «видеть творения» и «быть увиденным в творениях»¹¹⁸.

Точно так же и если спросят о сотворении: сотворение в Боге есть видение. «Творить», «видеть», «понимать», «хотеть», «измерять», «делать», «действовать» и т.п., что мы приписываем Богу, надо брать как имена бесконечного круга. Отсюда не

¹¹⁵ «Et hoc est complementum theologicum, per quod omne scibile theologice attingi potest, dico omne scibile perfectiori modo, quo per hominem in hoc mundo sciri potest» - «complementum» в названии трактата, таким образом, помимо технического смысла (решение того или иного открытого и спорного вопроса), следует читать также и как «исполнение» или «завершение»: «Завершение теологии, изображённое в Завершении математики», т.е. в достигаемом через решение квадратуры круга завершении всей математической науки «древних». См. также гл. XIV и прим. ниже.

¹¹⁶ «Omnia autem hactenus theologis occulta et ab omnibus inquisitoribus ignorata...» - ср. о «Математических дополнениях» в письме К. Айндорферу от 14.09.1453: «omnia actenus incognita manifesta in mathematicis» («прояснено всё, доселе скрытое в математике»).

¹¹⁷ «теология подобна кругу» - ср. «Наука незнания» I, 21, 66; II, 3, 111; «О видении Бога» III, 8 и др. Считается, что идея круговой обратимости божественных атрибутов воспринята НК у Луллия через Эймерика де Кампо.

¹¹⁸ ср. «О видении Бога» X, 39.

более нелепо сказать, что Бог творит Себя и все вещи, чем что Бог видит Себя и все вещи, и что творить всё означает быть творимым во всём. Но названия человеческие, будучи приписаны конечным вещам, не годятся божеству. Как конечная окружность называется «окружностью» для различения с конечной прямой, так и бесконечную окружность мы сходным образом зовём «окружностью», но тем не менее имя «окружность» не соответствует [здесь] намерению [его] установителя, потому что это - не окружность, раз не отличается от прямой. Так же и обо всём. Поэтому не следует путаться в значении названия, но необходимо смотреть на совпадение, высшее равенство и простоту того круга, где все названия суть одно - и тогда то, что кажется нелепым, станет приемлемым через иное название, которое, будучи для нас иным, там не иное, но с точки зрения самой вещи есть синоним¹¹⁹.

Вот краткое изложение «Теологического дополнения», изображённого в «Математических дополнениях», во славу Бога всегда благословенного. Аминь.

[Эпилог¹²⁰

1. Прямую линию можно уравнивать с окружностью по подобию движения созерцательной жизни человеческого ума от веры в его истину, что она **есть**, в видении её, **что** она есть, устроенного поступательно и возвратно.
2. [Возьмём] круг, вписанный в многоугольник, а равно и описанный около него же. Через их промежуточное совпадение в общей периферии такого рода [бесконечных] углов [видно], каким образом Бог – альфа и омега всего – есть триединая мера всех сотворённых вещей.
3. По свидетельству Философа, тождественно то, от чего не отличаются никаким отличием¹²¹. В этом смысле истинная квадратура круга обнаруживается в абсолютном, предшествующем их отличиям единстве всех вещей, в совпадении и в свободном от всякой доступной чувствам и воображению материи равенстве.
4. Поскольку бесконечность абсолютного равенства выходит за все сущностные определения вещественных отличий, то тем самым одна и та же идея и у кругов, и у многоугольных фигур, определённых по родам количества и качества.
5. Как круг возникает из центра при посредстве обводимой прямой линии, так Сын Божий – от Своего Отца, как бы от центрального сердца, а от Обоих – Святой Дух как Их общая связь. Праобраз, который развёртывается в происхождении и завершении всякого творения.
6. Если абсолютную бесконечность представить доступным уму образом через прямизну, лишённую начала, середины и конца и оттого вечную, откуда отпадает по способу недостатка кривизна, то необходимо, чтобы триединая бесконечность начала, середины и

¹¹⁹ «sed realiter synonymum» - ср. §13 Эпилога: «...quae sibi nominaliter attribuuntur, realiter coincidunt»

¹²⁰ Эпилог из 13 «выводов» (conclusiones) содержится только в некоторых списках трактата и составлен предположительно Эймериком де Кампо (авторство НК маловероятно). Выделен квадратными скобками.

¹²¹ «idem est a quo nil differt differentia» - Аристотель, «Топика» VII, 1 152a30-35; ср. у Альберта Великого: «idem est a quo non differt differentia» («На Метафизику» I, tr. IV, cap. VII; «Сумма теологии» II, tr. XII, q.72, m.4, arg.7)

конца во всесторонне искривлённом круге зависела от этой самой бесконечной простоты прямизны как измеренное от меры.

7. Наподобие того как в этом мысленно вращаемом, как показано выше, круге его окружность касается проведённой из центра линии в точке, так длительность временного обращения, как бы ни отличалась она [от других обращений] формой своей кривизны, без всякого отличия фиксируется (*figitur*) вокруг того же «теперь» вечности.

8. Бог, создатель всего, непосредственно творит из ничего точечную потенцию первой материи и из неё возводит вышеописанным способом различие творений, которые, объятые Его нетварным бесконечным кругом, сообразуются этому кругу во множестве форм.

9. Бесконечная прямизна содержит всё в неуклонной актуальности и своим неисчислимым единством исключает численное множество углов и фигур, образованных по видам через определение концов или пределов схождения линий. Тем самым она необратимо превосходит бесконечную кривизну круга.

10. Данной прямой линии можно приравнять окружность, но не наоборот - вследствие необратимой (*inconvertibilem*) зависимости измеренного от меры, лишённости от обладания, последующего от предшествующего. Так прямой взгляд тварного ума не может сравняться с окружной перспективой божественного провидения - в отличие от противоположного.

11. Абсолютная бесконечность Бога, неопределимая в простоте, стягивается к различию приписываемыми смыслами слов, обозначающих единообразную простоту божественной сущности, жизни и разума от своей частной истины.

12. Для данной окружности нельзя получить без предвосхищения основания (*petitione principii*) равной ей прямой, кроме как, пред-положив (*ex praesuppositione*), как показано ранее, обратное равенство, что следует из того, что в совпадении этих бесконечных линий первая есть мера второй.

13. Отсюда как заключение явствует, что в описанном круге Бога все бесконечные совершенства, которые приписываются Ему номинально, совпадают в реальности и участвуют в тождестве - по подобию круга, необратимо объемлющего (*inconvertibiliter comprehenden-tis*) все многоугольные фигуры.]